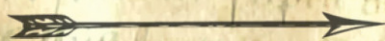

ТОЛЬКО
ПОЛНОЧНАЯ ВЕДЬМА ЗНАЕТ,
как темна бывает ночь перед рассветом

ПОЛА БРЕКСТОН

Полночная ведьма

like
book

Хроники теней

Пола Брекстон

Полночная ведьма

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Брекстон П.

Полночная ведьма / П. Брексон — «Эксмо», 2014 — (Хроники теней)

ISBN 978-5-04-091570-5

Леди Лилит Монтгомери, единственная дочь покойного герцога Рэднора и одна из самых завидных невест Лондона, скрывает от окружающих страшный секрет – от отца она унаследовала уникальный дар говорить с мертвыми. Именно он научил ее всему необходимому, чтобы защитить себя и своих близких. Но годы безопасности позади! Неожданная смерть герцога приводит к неизбежному – Лилит предстоит возглавить могущественный Клан Лазаря, тайны которого так жаждут разгадать Стражи. Древние волшебники давно воюют, и теперь у противников семьи Монтгомери есть все шансы, чтобы уничтожить и ее, и ее уникальный дар. Но Лилит не привыкла сдаваться, ведь на ее стороне не только живые, но и мертвые!

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091570-5

© Брексон П., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пола Брекстон

Полночная ведьма

Paula Brackston
THE MIDNIGHT WITCH

Copyright © 2014 by Paula Brackston Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved

Серия «Хроники теней»

© Татищева Е. С., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

ЛОНДОН, 1913 ГОД

Мертвые редко молчат.

У них есть истории, которые они хотят рассказать, и знание того, что должно случиться в будущем, которым можно поделиться. Для того чтобы их услышать, нужно только одно – готовность слушать. Я слушаю мертвецов всю свою жизнь, и громче всего они требуют моего внимания на похоронах. Это, разумеется, частично объясняется тем, что в это время я нахожусь к ним ближе всего. Я стою на кладбище у открытой могилы, одетая в черное, безмолвная. Я наблюдаю и жду, и боль сжимает мою грудь еще сильнее, чем надетый корсет, а вокруг меня движутся души усопших. Но они должны подождать. Подождать, когда я их позову. Пока еще не время. Я знаю, они жаждут поговорить со мной, и ценю их доверие, но они должны быть терпеливы.

То, что хотят сказать мертвые, всегда важно. По крайней мере, так думают они. Как будто тот факт, что они покинули сей мир, придает их словам особую ценность, которую те не имели, пока ходили по земле, а не спали под ней вечным сном. Должна признаться, временами их назойливость и преувеличенное сознание собственной важности утомляют меня. Например, это происходит сейчас, когда я так убита горем, что у меня нет ни малейшего желания их слушать. Однако я никогда *не должна* забывать, что порой их слова в самом деле таят в себе огромную ценность. Некроманты знали это во все века; мы научились прислушиваться к невероятным пророчествам и шепоту их предостережений. Интересно, что подумали бы собравшиеся здесь благородные лорды и леди, если бы им стало известно, что среди них находятся те, кто призывает духи усопших, дабы узнать будущее? Что бы они подумали обо мне, если бы узнали, что свободнее всего я чувствую себя в катакомбах или когда сижу в темноте на кладбище, тихо беседуя с теми, кто переплыл Рубикон и ныне обитает в Царстве Ночи? Что я нахожу утешение и успокоение в обществе умерших, как до меня мои предки? Что бы они сказали, если бы я сообщила им, что втайне с удовольствием гляжу на гробы? Есть что-то такое в изящных линиях, насыщенных тонах полированного дерева грецкого ореха, из которого их делают, в латунных ручках и накладках, в успокоительных мыслях о том, как люди обретаю в них отдохновение и безопасность.

Но сейчас, когда я смотрю, как гроб с телом моего отца опускают в вырытую могилу, никакое восхищение мастерством, с которым этот гроб был собран, не может отвлечь меня от чувства одиночества, владеющего мною в эту скорбную минуту. Отец никогда открыто не проявлял своих чувств – большинство из тех, кто его знал, считали его человеком холодным и замкнутым, – но он любил меня, а теперь его больше нет. В двадцать один год мне следовало бы чувствовать приятное возбуждение при мысли о будущем, но вместо этого я испытываю лишь

горечь утраты и ощущаю тяжелое бремя долга на своих плечах. Брат унаследует титул герцога и все, что с ним связано, я же – наследница другого. Мне суждено стать новой Верховной Ведьмой Клана Лазаря.

Стоя у края могилы, я обвожу взглядом пришедших на похороны. Сотни людей явились, чтобы почтить память покойного герцога, но лишь немногие из них знают, что гроб, на который устремлены взгляды присутствующих и который ныне опускают в сырую темную землю, на самом деле пуст. Августовское солнце нагрело землю, и ее мускусный запах поднимается в воздух из отверстой могилы. Мне этот аромат хорошо знаком, и он волнует мою душу. Это запах далекого прошлого, минувших веков, запах близких, которых мы любили и которые переселились из нашего мира в мир иной, запах смерти и возрождения, гниения и возобновления. Он заполняет мои ноздри, и я ощущаю присутствие на кладбище чистильщиков-червей и быстро переползающих с места на место жуков, а также доносящийся из-под земли, из недавно засыпанных могил слабый сладковатый аромат начавшегося тления. Я не единственная, кто ощущает этот дух разложения, – с ветвей величественного кедра слышатся возбужденные крики остроклювых грачей.

На многих из присутствующих начинает сказываться жара летнего дня. Море черных траурных одежд словно колеблется: дамы шатаются в своих плотных платьях, ибо тугие корсеты мешают им вдохнуть воздух, которого в этой духоте и так мало. Тут и там вяло двигаются веера. Мужчины чувствуют себя не лучше в цилиндрах, и то один, то другой временами оттягивают с шей накрахмаленные воротнички. Неослабевающая жара этого лета, лета 1913 года, отнюдь не способствует хорошему самочувствию тех, кто одет, как подобает на похороны высокопоставленного лица. Даже запряженные в карету лоснящиеся вороные кони, хотя они и стоят в тени старого тисового дерева, нервно переступают с ноги на ногу и трясут головами, так что выкрашенные в черное страусовые перья на их уздечках подрагивают на фоне неуместно жизнерадостного сияния солнца.

Я чувствую, как пальцы матушки, сжимающие мою руку в черном креповом рукаве, впи-
ваются еще сильнее. Матушка выглядит совсем слабой, и это тревожит.

– Мама? – шепчу я, наклонившись так близко к ее уху, как мне позволяет обвитая черной вуалью шляпа.

– О, Лилит, моя дорогая, боюсь, мне немного дурно.

И вдовствующая герцогиня чуть не падает.

– Фредди! – кричу я брату, который стоит всего в нескольких шагах от нас, но выражение на его лице таково, словно он находится в совершенно ином мире. – Фредди, ради бога, помоги маме.

– Что? Да, да, конечно. Полно, мама, обопрись на меня. – Он изгибает губы в подобии улыбки и обнимает матушку за тонкую талию. – Теперь уже недолго, – шепчет он и добавляет: – Скоро все закончится, – обращаясь будто к себе.

Я окидываю взглядом эту мрачную пару: мою побледневшую матушку и не менее бледного брата и гадаю, хватит ли у меня сил заботиться о них. Им нужно, чтобы я была сильной. Чтобы я заняла место отца. Но как я смогу это сделать? Как? Жизнь матушки так долго всецело контролировал муж. Она столько лет носила титул герцогини, теперь же она должна научиться смотреть на себя по-другому. Теперь она просто леди Аннабель. Этот современный, быстро меняющийся мир ставит ее в тупик и представляется ей совершенно нелогичным, а кроме того, над нами нависла угроза войны. Матушка похожа на потерявший управление корабль, и я должна стать ее тихой гаванью. Это так похоже на нее – настоять на пышной и продолжительной церемонии похорон. Она вникала в каждую деталь: от количества и сорта лилий до родословной запряженных в нашу карету лошадей и общего вида траурных ливрей лакеев на запятках. Я понимаю, что она абсолютно уверена, будто точно знает, чего именно хотел бы ее любимый Роберт. Она думает, что как вдова герцога обязана исполнить его волю. Как бы

остро она ни переживала свое горе, она ничем этого не выдаст. Какой бы потерянной она себя ни чувствовала, она останется олицетворением стоического достоинства. Лишь самые близкие будут знать, как она страдает. Я понимаю – сейчас матушка хоронит не только своего обожаемого супруга, но и большую часть себя самой. Фредди и я будем жить в большом мире, у каждого из нас будет собственная жизнь, матушка же так и останется в своем привилегированном чистилище. Так будет отныне и до смертного часа, больше не герцогиня, больше не жена.

А тут еще Фредди. У Фредди есть собственные проблемы, которые требуют для своего решения особых методов. Возможно, я сумею уговорить его уехать в поместье Рэднор, подальше от разрушительных соблазнов, которыми изобилует Лондон. Это стало бы приемлемым решением. Но как же мне удастся сделать то, что не удалось даже отцу? Фредди знает, от чего бы ему пришлось отказаться, если бы он вернулся в Рэднор-холл, и боюсь, он скорее прыгнул бы в отцовскую могилу...

Твой брат тебя погубит!

«Кто это? Кто говорит со мной без приглашения? Какой дух осмелился сделать такое?»

Тот, кто наблюдает за тобой, Дочь Ночи. Тот, кто знает тебя и твоего никчемного брата лучше, чем вы знаете себя.

Я должна закрыть сознание для непрошеного, незнакомого голоса! Несмотря на неослабевающую жару, меня внезапно пробивает озноб. Духи могут сделаться беспокойными, могут возжаждать что-то сообщить, но все равно они всегда ждут, когда ты к ним обратишься. Я не буду слушать этот голос. Не сейчас. Сейчас я нужна живым. И наверное, более всех во мне нуждается Фредди.

Когда я смотрю на то, как он тится поддержать нашу маму, он кажется мне почти таким же немощным, как и она. Его прозрачная кожа словно говорит об уязвимости его натуры. На лбу брата блестят мелкие капельки пота. Он тяжело опирается на трость, как будто ему не под силу выдержать даже собственный вес, не говоря уже о весе кого-либо еще.

Я помню, как отец впервые привел нас сюда, Фредди и меня. Полночь миновала, и в доме было тихо. Он вошел в детскую и велел нашей няне поднять нас на ноги и одеть. Мне тогда было не более девяти лет, стало быть, Фредди было семь. Разумеется, мне показалось странным, что нас будят среди ночи, в самое темное время суток, и что мы куда-то едем в карете, причем без матушки, а с одним только отцом. Я помню встревоженное лицо няни, смотрящей нам вслед из окна. Знала ли она? Знала ли она правду об отце? Было ли ей известно, куда нас везут?

Отец велел кучеру остановить экипаж у ворот кладбища, затем повел нас по узким дорожкам между могилами. Он шагал быстро, поэтому Фредди и мне приходилось бежать, чтобы не отстать от него. Помню, я была немного возбуждена от столь странной и таинственной прогулки, но мне не было страшно. А вот мой бедный младший брат был перепуган до смерти. К тому времени, когда мы достигли цели нашей вылазки – этого самого места, – он плакал так громко, что отцу пришлось выбрать его и приказать замолчать. Мы неподвижно стояли среди могил и надгробных статуй, чувствуя, как нас обволакивает тьма. Я слышала, как заухала сова, как мимо пролетело несколько летучих мышей, и каждый раз от взмахов их крыльев мое лицо обдавало дуновение теплого летнего воздуха. Отец ничего не говорил, не давал нам никаких указаний. Он просто привез нас сюда, и мы молча стояли среди мертвых, окутанные ночной тьмой. Фредди все это время переминался с ноги на ногу, с грехом пополам подавляя всхлипы, я же была спокойна и всем довольна. Я чувствовала себя... дома.

Я беру маму за руку и крепко сжимаю ее. Викарий продолжает читать зауспокойную молитву, его голос звучит глухо и монотонно, словно далекий старый треснувший колокол, эхом повторяющий предсмертные удары сердца человека, тело которого мы сейчас предаем земле, а душу вверяем Богу. Только его тела в гробу нет, а душа еще некоторое время останется на этой земле.

* * *

Рядом со статуей скорбящего ангела, спасаясь от солнечных лучей в тени его поднятых крыльев, в некотором отдалении от главных действующих лиц церемонии похорон покойного герцога, стоит Николас Стрикленд, личный секретарь министра иностранных дел. Он наблюдает и ждет. У него нет охоты вести светскую беседу с другими участниками погребального действия. Не желает он также и выразить свои соболезнования скорбящей семье усопшего. Он хочет одного – стоять и наблюдать. Присутствовать при погребении. Окончательно увериться, что глава Клана Лазаря в самом деле умер и больше не занимает это привилегированное положение.

Совсем близко от места, где стоит Стрикленд, пробегает белка. От быстрого движения ее когтистых лапок в стороны летят палые кедровые иголки, и некоторые из них приземляются на безукоризненно начищенные туфли высокопоставленного чиновника. Он смотрит на иголки с отвращением. Их вид на обуви оскорбляет его чувства. Он считает себя реалистом, не ожидающим от жизни невозможного, и понимает, что совершенство, как искренне ты бы к нему ни стремился, часто недостижимо. И тем не менее он неизменно пытается его достичь. Что больше всего раздражает его, раздражает почти нестерпимо, так это такие ситуации, когда достижению заветного идеала мешают другие. Сосредоточив все внимание на своих туфлях, он делает энергичный выдох, направляя на них мощную струю воздуха с такой легкостью, словно подобный трюк доступен всем, и сдувает с них кедровые иголки, так что его обувь вновь обретает первоначальный блеск. Почувствовав опасность, белка замирает. На ее мордочке отражается сначала страх, потом боль, и она валится на землю. Испустив последний вздох, она застывает навсегда. Грачи, сидящие на ветвях растущего рядом кедра, замолкают.

Стрикленд вновь обращает свое внимание на семью почившего герцога. Ему доводилось несколько раз встречаться с вдовой, когда она еще была герцогиней Рэднор. Она наверняка помнит его, как помнит всех гостей в своем доме. Это естественно для дамы, ценящей свою репутацию гостеприимной хозяйки, хотя теперь, когда после кончины герцога прошло так мало времени, Стрикленду кажется, что она уже не та... Герцог Рэднор долго болел, поэтому его уход из жизни ни для кого не стал неожиданностью, и все же по вдове заметно, как она потрясена. Хотя лицо женщины закрыто черной вуалью, это ясно видно по ее движениям, по осанке, по тому, как нетвердо она держится на ногах. Справа от нее стоит ее сын, Фредерик, являя собой картину почти такой же слабости и немогущности. Молодой человек высок и красив, с фамильными черными волосами и тонкими аристократичными чертами лица, но он болезненно худ, и в нем чувствуется некоторая суетливость, выдающая его с головой. Стрикленд сомневается, что из этого юнца получится хороший герцог. Ему никогда не стать таким человеком, каким был его отец.

Но по-настоящему Николаса Стрикленда интересует не он, а стройная девушка, стоящая по левую руку от вдовствующей герцогини. Леди Лилит Монтгомери, единственная дочь и старший ребенок покойного лорда Роберта Монтгомери, шестого герцога Рэднора, не кичится своей поразительной красотой, а просто принимает ее со спокойным достоинством. Она не выставляет напоказ свои прелести, на которые мужчины невольно бросают восхищенные взгляды, как не афиширует и того привилегированного положения, которое занимает по праву рождения, будучи дочерью покойного герцога и сестрой ныне здравствующего. Ее окружает ореол серьезности. Ореол искренности. И сдержанной силы, которую Стрикленд находит одновременно притягательной и заслуживающей восхищения. Этим летом он наблюдал за ее выходом в свет с напряженным вниманием. Но его интересуют вовсе не ее женские достоинства. И не ее положение в свете. До чего ему действительно есть дело, что живо интересует его, так это способна ли она взять на себя обязанности Верховной Ведьмы и занять место отца.

Только время покажет, сумеет ли она с честью вынести все испытания. Если не сумеет, это будет поистине черный день для Клана Лазаря. И восхитительно счастливый момент для Никола Стрикленда.

* * *

Несмотря на тяжесть чемодана, немалые размеры рюкзака, в котором находятся краски и прочие принадлежности живописца, и длинные «ноги» мольберта, который он несет на плече, Брэм Кардэйл идет по кладбищу пружинистым и энергичным шагом. Он очень силен, а потому его ноша не кажется ему обременительной, а кроме того, дополнительную энергию ему придает осознание стоящей перед ним высокой цели. Он рад, что может срезать угол, ибо уже прошел добрую милю или даже больше, но это пустяки, он сможет легко шагать без отдыха хоть до самого заката, поскольку сегодня он начинает новую жизнь. Он оставил позади сожженные мосты, отвергнутое предложение занять должность, которая дала бы ему стабильность и приличный доход, а также комфорт и благополучие родного дома, где осталась его семья. Впереди же лежит неизвестность. Он точно знает только одно – он будет жить в доме знаменитого скульптора Ричарда Мэнгана и наконец-то попытается стать художником, задатки которого – он свято в это верит – у него есть. Его решимость осуществить подобный прыжок в неизвестность шокировала родителей. Особенно негативно решение сына воспринял отец.

– Но мой мальчик, тебя же ждет хорошая должность на заводе. И ты все это бросишь ради... ради чего? Чтобы писать картины?

– Именно для этого я и создан.

– Выходит, наша жизнь и то, что мы делаем, – все это ни с того ни с сего недостаточно хорошо?

– Я и не ожидал, что ты меня поймешь.

– Вот тут ты прав.

– Неужели ты не можешь просто за меня порадоваться?

– Порадоваться? Ты уезжаешь, чтобы жить в доме, полном прелюбодеев и, один Бог знает, кого еще, вместо того чтобы занять законное место здесь, где твои корни. Есть чему радоваться, как же!

Брэм не стал пытаться уговорить отца принять то будущее, которое выбрал для себя он, его сын. Говоря с матерью, он вытер платком ее слезы и пообещал писать письма. Когда они прощались, она заглянула в самую глубину его души, как могла делать только она одна, и на мгновение его решимость поколебалась. Она посмотрела на него, коснулась щеки сына с такой нежностью, с такой тревогой... и он испугался: если он не уедет сейчас, то останется дома и проживет жизнь, так и не реализовав себя, загубив данный судьбой талант и задушив свою жажду творить. Нет, он не смирится с подобным существованием. Конечно, у него нет гарантий, что его ждет успех, и вполне может статься, что он закончит свои дни в одиночестве в Лондоне, закончит как безвестный неудачник, и весь его талант, в который он так верит, окажется всего лишь иллюзией. Он рискует сойти с ума, если уедет, но если останется, ему грозит помешательство, только он придет к нему более коротким путем. И в этот же вечер он сел на поезд, идущий из Шеффилда в Лондон. Его преследовало чувство вины, но чем дальше уносил от дома поезд, тем больше крепла его уверенность в том, что он поступает правильно.

Энергия Лондона, его бурлящий ритм, масштаб – все это обещает ему возможности и свободу. Он не мог писать картины в полную силу, пока жил в тени отца, пока вел провинциальную жизнь, пока его творческий потенциал сковывали ожидания, которые возлагала на него семья. Он понимает, что поступает как эгоист, но если ему суждено стать художником и писать картины – а ему кажется, что его толкает к этому непреодолимая сила, – он должен найти такое место, которое будет способствовать его художественному самовыражению. Он написал

Ричарду Мэнгану, почти не надеясь получить ответное письмо, поэтому, когда тот предложил ему комнату в своем доме, он понял: такую возможность упустить нельзя. Теперь, живя под крышей Мэнгана, он сможет наконец осуществить свою мечту.

На полпути к восточным воротам кладбища Брэм замедляет шаг, пораженный количеством одетых в черное людей, присутствующих на церемонии погребения. Многолюдные похороны не редкость и в Шеффилде, но ничего подобного по масштабам он прежде не видел. Он останавливается и на мгновение спускает мольберт с плеча на землю. Он видит несколько черных карет с впряженными в них породистыми лошадьми, также угольно-черными и накрытыми тяжелыми бархатными попонами. Катафалк уже, по-видимому, уехал, но остающиеся экипажи выглядят не менее богато, а стоящие на их запятках лакеи одеты в роскошные ливреи. На дверях одного из экипажей красками изображена стрекоза; тот же герб вышит на попонах впряженных в него лошадей, изящная воздушная стрекоза с переливающимся на солнце зеленым туловищем. Одетые в траур люди расположились вокруг открытой могилы, и их по меньшей мере две сотни. У самой могилы стоят скорбящие близкие усопшего, и убитая горем семья кажется Брэму трогательно маленькой. Брэм видит молодую девушку в широкополой шляпе с усеянной черными «мушками» длинной вуалью, но, несмотря на нее, он может разглядеть ее правильные черты лица. И изящную тонкую шею, единственную часть тела, которая не скрыта черной материей. Белизна этого небольшого участка обнаженной плоти кажется Брэму ошеломительной, почти эротичной. Солнечные лучи проходят сквозь ветви одинокого кедра и освещают стоящих у края могилы членов семьи усопшего; шелковая ткань их одежд, несмотря на то что она черна, как ночь, отражает этот свет с такой слепящей яркостью, что Брэм невольно щурит глаза.

И сразу же лихорадочно прикидывает, как бы передать на холсте всю силу этого отраженного света посреди глубокой черноты. При мысли о столь трудной художественной задаче его охватывает знакомое возбуждение. Пульс учащается, перед мысленным взором один за другим проносятся образы. Свет на фоне мрака, мрак на фоне света, цветовые пятна, широкие мазки. В момент подобного вдохновения возможно все. Он сбрасывает свою ношу на землю, торопливо достает из рюкзака доску для рисования и лист бумаги, пытается нащупать кусок древесного угля. Он ставит доску на мольберт, прижимая к ней верхний край бумаги пальцами левой руки, и, сжимая в правой руке уголь, поворачивается лицом к сцене, которую хочет запечатлеть. Он стоит на солнцепеке и чувствует, как на лбу начинают выступать бисеринки испарины, а волосы становятся влажными от пота. Его шляпа еще больше нагревает голову, а не спасает ее от солнца, и он срывает ее и небрежно роняет на иссохшую землю. Он хмурится, глядя на ослепительно-белый лист бумаги, но его колебание длится лишь одно мгновение, после чего он начинает рисовать. Проходящая мимо пара делает резкое замечание за его неподобающее поведение, но он остается глух к их критике. Он знает, что невольно стал свидетелем великого горя, и понимает: то, что он сейчас делает, можно считать черствостью и неуважением к чужим чувствам. Но та небольшая часть его натуры, которая еще не отрешилась от этих условностей, быстро замолкает под натиском необоримого желания увековечить этот момент на бумаге. Он хочет не просто воссоздать сочетание форм и изящных линий, игру света и тени. И не просто отобразить мгновение из жизни высшего общества, когда его члены отдают дань традициям. Он желает передать самую суть людей, которые горюют у могилы.

Чтобы передать то, что невозможно узреть, надо сначала отобразить то, что зримо, – напоминает он себе.

Его разум работает так же быстро, как и его рука. Лист бумаги заполняется энергичными штрихами.

Это мой удел – жить, стремясь к невозможному. Открывать взору то, что скрыто. Но достаточно ли у меня для этого способностей? Хватает ли таланта?

Он продолжает работать, хотя и чувствует, что от зноя начинает кружиться голова. Или это от внутреннего напряжения? Он не обращает внимания на любопытных, которые подходят к нему и заглядывают через плечо. Он продолжает работать, стараясь передать сияние жизни посреди обряда, освящающего смерть. Он не останавливается даже тогда, когда викарий закрывает Библию. И даже в тот момент, когда стоящая у отверстой могилы красивая девушка поднимает голову и ловит на себе его пылкий взгляд.

Глава 2

Когда похоронная процессия наконец покидает кладбище, время уже почти четыре часа пополудни. Я чувствую облегчение оттого, что служба и погребение завершены, но мне отнюдь не по душе хлопоты, которые ждут нас дома. Мама, непрерывно плача, потратила несколько часов, давая указания экономке, миссис Джессап, и дворецкому Уизерсу, что именно надо сделать, чтобы подобающим образом принять тех участников похорон, которые приедут после церемонии в наш лондонский особняк.

Лакеи, которые будут прислуживать гостям, должны быть облачены в траурные ливреи, а те слуги и служанки, которые останутся в той части дома, которая отведена для прислуги, должны будут надеть на руки черные повязки. На столе будет выставлен внушительный набор блюд, а дом должен предстать перед гостями в траурном, но величественном убранстве. Пища должна быть легкой и питательной. Жара, несомненно, подорвала силы и угнетающе действовала на нервы тех, кто приглашен в дом, поэтому необходимо будет подать чай со льдом, а также лимонад и херес. Уизерс должен выбрать в винном погребе хорошее бургундское для тех, кто почувствует, что им надо выпить вина, и, разумеется, подать виски для мужчин. На протяжении всего утра в дом почти каждый час доставляли новую партию лилий и черных лент. Я никому этого не говорила, но, по правде сказать, я предпочла бы устроить более скромные поминки. Я сторонница современных взглядов и считаю, что церемониал светских похорон и следующих за ними поминок следует избавить от излишней парадности. Но я понимаю, что мамушке необходимо с головой уйти в роль вдовы и провести последний прием в роли хозяйки дома так, как она считает нужным. По крайней мере, эти хлопоты помогают ей пережить горе.

Медленно проехав по запруженным транспортом улицам Лондона, кучер наконец останавливает карету перед особняком – лондонской резиденцией семейства Монтгомери уже на протяжении нескольких веков. Дом номер один на площади Фицрой представляет собой четырехэтажное здание с широким белым фасадом, которое от внешнего мира отделяет блестящая чугунная ограда. Лестница с широкими ступенями ведет к портику, в центре которого находится массивная черная дверь. Украшающие ее латунные накладки и звонок начищены до ослепительного блеска, и все – и хозяева дома, и слуги – прикасаются к ним только в перчатках. От площади отходят четыре улицы таких же шикарных особняков, выстроенных с соблюдением правил симметрии. Все они с белыми фасадами. В центре площади разбит большой частный сад, окруженный такой же кованой чугунной оградой, как и сами дома. У каждой из обитающих в них семей есть ключ от ворот, чтобы они могли наслаждаться пышной зеленью растущих здесь грецких орехов и каштанов, образующих тенистые аллеи, и видом клумб, на которых в изобилии красуются цветы. Листва деревьев и многочисленных густых кустарников образует величественный и вместе с тем прелестный зеленый оазис, отделяющий дома, стоящие на одной стороне площади, от тех, которые возвышаются напротив; оазис настолько

искусно разбитый и выращенный, что у живущих тут семей создается впечатление, будто в самый центр города перенесен уголок сельской идиллии.

Я чувствую, как мое настроение несколько улучшается; так бывает всегда, когда я приезжаю домой. Пусть мне придется несколько часов с любезным видом выслушивать соболезнования от людей, которых я едва знаю, зато потом, когда последних гостей усадят в экипажи, я наконец смогу расслабиться и снова стать самой собой.

Готова ли ты теперь выслушать меня, Лилит?

Я чувствую, как по спине пробегают мурашки, ибо в ушах снова раздается шепот того духа, который обратился ко мне на кладбище. Я ошеломлена. Потрясена. Ни один дух еще не заговаривал со мной без приглашения. Я делаю над собой усилие, чтобы взять себя в руки. Мне придется поговорить с неугомонной душой, это очевидно. Но не здесь и не сейчас. Сейчас я нужна семье. Семье, не обладающей магическим даром.

Молодой лакей открывает дверь кареты, и Уизерс, широкоплечий и, как всегда, готовый услужить, выходит из парадной двери, чтобы помочь выбраться из экипажа леди Аннабель. Фредди, явно приободрившийся при мысли, что сейчас сможет выпить, уже спрыгнул на землю с другой стороны кареты и тоже спешит помочь матушке.

– Ваша помощь не потребуется, Уизерс, – выпаливает брат с коробящим меня нетерпением в голосе. – Предоставьте леди Аннабель моим заботам. Спускайся, мама. И выпей бокал доброго вина.

– Не глупи, Фредди, ты же знаешь: я не пью вина. Уизерс, у вас все готово?

– Мы сделали все, как вы велели, леди Аннабель.

– Цветы... их необходимо регулярно опрыскивать водой. Стоит такая ужасная жара.

– Я возложил эту обязанность на Уильяма, миледи.

Вдовствующая герцогиня, только что нетвердой походкой двигавшаяся к двери, останавливается и воззряется на Уизерса. У нее совершенно потерянный вид.

– На Уильяма? – слабым голосом переспрашивает она. – Знаете, я, кажется, не могу вспомнить его лица.

Я спешу к ней.

– Речь идет об Уильяме Рэдли, мама. Это младший лакей, теперь ты вспомнила?

– О да. Разумеется. Как я могла забыть? Уильям Рэдли. Как глупо с моей стороны.

– Ты просто очень утомлена, мама, – говорю я, беря ее под руку.

– И вам, конечно же, хочется пить, – вставляет Фредди.

Я бросаю на него строгий взгляд, который он не замечает, и мы вместе помогаем матушке подняться по лестнице и войти в прохладный вестибюль. Фредди всегда готов предложить свою помощь, когда это соответствует его желаниям. Но это не та помощь, на которую я могла бы положиться. За каждым его предложением кроется подвох. С моей стороны было бы неразумно это забывать.

Маме не стоило беспокоиться – миссис Джессап и Уизерс в точности выполнили все ее пожелания. Убранство вестибюля дома номер один на площади Фицрой действительно впечатляет. Интерьер выполнен в стиле модерн, который с присущим ей безупречным вкусом выбрала мать, и его удачно дополняют вазы, полные благоухающих кремовых лилий, украшенные черными атласными бантами и в художественном беспорядке расставленные то тут, то там. Из-за жары аромат цветов кажется мне почти удушающим, и я чувствую, как начинает побаливать голова. Трое одетых в безукоризненные траурные ливреи лакеев стоят здесь же, держа в руках подносы с высокими бокалами, в которые налиты напитки.

Я останавливаюсь, чтобы дать указания Уизерсу, и, сняв шляпу, кивком подзываю камеристку Вайолет и отдаю ее ей.

– Уизерс, я буду в малой гостиной вместе с матушкой. Не могли бы вы направлять всех гостей туда?

– Будет исполнено, леди Лилит.

– Но сначала проведите их в столовую. Люди будут совершенно без сил после такого долгого стояния на солнце. – Я поворачиваюсь, чтобы поговорить с Фредди, но он уже отдал лакею свои трость и цилиндр, схватил с подноса бокал вина и, открыв дверь в кабинет отца, торопливо прошел внутрь.

В малой гостиной царит восхитительная прохлада, ибо солнце давно уже перестало светить в ее высокие окна. Я советую маме сесть рядом с вазой душистых цветов, которая стоит перед камином. Сама я не сажусь, чтобы приветствовать гостей. Более часа столпы общества, в основном члены британской аристократии, но также и те, кто приехал из-за границы, выражают нам свои соболезнования по поводу кончины герцога, а мы с мамой любезно их принимаем. Ноги скоро начинают ныть, а голова так раскаливается, что мне едва удастся не хмурить брови. Мне приходит в голову, что от нас с матушкой требуется не только скрывать наше горе, держаться с достоинством и не терять самообладания, что бы мы сейчас ни чувствовали, но мы также должны помогать людям, которых едва знаем, подыскивать подобающие слова. Нам, как хозяйкам, встречающим гостей, и самым близким членам семьи усопшего полагается делать все, чтобы те, кто пришел в наш дом, чувствовали себя непринужденно, какая бы буря ни бушевала при этом в наших собственных сердцах. Чего же стоят все эти выражения сочувствия, если взамен от тебя требуется такое напряжение воли и такой нестигаемый стоицизм? Вся эта мишура и церемонность: угощения, цветы, то, как следует себя вести, – все это предназначается для людей, не связанных с семьей покойного. Что за негодяй был тот, спрашиваю себя я, кто решил, что убитые горем родственники усопшего, только что опущенного в могилу, должны устраивать прием в те самые минуты, когда им хочется одного – остаться одним, чтобы скорбеть об утрате?

– Лилит. – Тихий мужской голос прерывает мои раздумья. – Лилит, мне так жаль.

Я поворачиваюсь и вижу виконта Льюиса Харкурта, входящего в комнату уверенным шагом человека, который знает, какое высокое положение он занимает в обществе, и гордится им. Он подхватывает мою затянутую в перчатку руку, коротко целует ее и задерживает в своей. – Как ты бледна, – говорит он, – и как невыразимо прекрасна.

– Льюис. – Я выжимаю из себя чуть заметную улыбку. В конце концов, какими бы ни были обстоятельства встречи, разве не должна девушка радоваться при виде своего жениха?

– Твой отец был замечательным человеком. Нам всем будет его не хватать. – Он замолкает и придвигается ко мне ближе. Я ощущаю исходящее от его тела тепло. Я девушка рослая, и все же ему приходится наклониться, чтобы приблизить губы к моему уху. – Если я могу тебе чем-то помочь... что бы это ни было... достаточно только сказать. Но ты же и сама прекрасно это понимаешь, моя драгоценная Лили, не так ли? – Он проводит рукой у меня за ухом. – О, как мило, – заигрываяще произносит он, распрямляя перед моим лицом согнутую ладонь, на которой сидит большая бабочка. – Должно быть, она приняла тебя за цветок.

– Льюис, ради бога, сейчас не время для салонных фокусов.

– Я просто хотел увидеть, как моя девочка улыбается, – отвечает он.

Я невозмутимо смотрю на него. Если у меня на мгновение и мелькает мысль, что я могла бы сказать ему о незваном духе, голос которого слышала, я быстро отбрасываю ее прочь. Разве он может отнестись к этому серьезно? Я уже привыкла к его обыкновению прибегать к магии в самые неподходящие моменты, а также к манере демонстрировать ловкость рук, достойную фокусника из мюзик-холла. Но я понимаю, что нынче он старается не просто из желания меня развлечь. Он хочет лишний раз напомнить мне, что нас с ним связывают особые узы, ибо мы оба рождены волшебниками. Как будто мне надо об этом напоминать. Это и есть одна из главных причин, которые заставили меня не противиться браку с ним, браку, которого всегда желали мои родители. Думаю, в последние дни жизни отец находил утешение в мысли о том, что мне предстоит связать свою жизнь с богатой, влиятельной и уважаемой семьей. Мы с Лью-

исом росли вместе. И его, и мои родители принадлежали к сливкам общества и вращались в самых высших кругах. Кроме того, наши отцы, хотя и не были друзьями в строгом смысле этого слова, оба принадлежали к ведовскому Клану Лазаря. Граф Винчестер немного завидовал более высокому положению моего отца в клане. Из-за того, что он должен был мириться с тем, что он всего лишь граф и в аристократической иерархии стоит ниже, чем герцог, ему было тем более досадно, что он также должен склоняться перед моим отцом и в его ведовской ипостаси. Да, мой отец не считал отца Льюиса своим другом, но они уважали друг друга, ибо оба понимали, какое положение занимают в этом мире такие необычные семьи, как наши.

К тому же мои родители были не единственными, кто считал Льюиса блестящей партией. Большинство из тех, кто находится в нашем доме сегодня, ничего не знают о его принадлежности к ведовскому клану; для них он просто один из самых завидных женихов Лондона. Милый Льюис, полагаю, всегда смотрел на себя именно под этим углом зрения. Он хорошо знает, насколько привлекателен для женского пола со своими золотистыми волосами, ярко-голубыми глазами и непринужденной грацией. Ему известно, какой ошеломляющий эффект он производит на молодых дам и сколько мамаш с восторгом согласились бы отдать за него своих дочерей. Должна признаться, я нахожу его привлекательным, ибо не поддаться его обаянию было бы нелегко. И я привязана к нему. Но это привязанность, порожденная детской дружбой и многими годами общения. В ней чего-то не хватает, по крайней мере так кажется мне. Полагаю, он любит меня, но я не настолько наивна, чтобы воображать, что его чувства ко мне были бы теми же, если бы я не была дочерью герцога и наследницей звания Верховной Ведьмы.

Ну разве не глупо с моей стороны тосковать по романтической любви, как какая-нибудь простодушная провинциалка? Да и существует ли она в действительности, эта самая любовь?

После нескольких минут, когда он изо всех сил старался оказывать мне знаки внимания, Льюис отправляется к маме, чтобы выразить ей свое сочувствие, я же незаметно удаляюсь. У меня нет ни малейшего аппетита, однако я ухожу в столовую под предлогом: мне нужно поесть. Но на самом деле я просто хочу убедиться, что ни один из наших гостей не обделен вниманием и ни в чем не нуждается. Никто из них не может уйти, пока его как следует не накормят и не напоят; чем скорее гости разойдутся, тем лучше я буду себя чувствовать. Но едва мне приходит в голову эта мысль, как меня охватывает чувство вины. Большинство этих людей приехали к нам, потому что наша семья им небезразлична. Мне не следует быть такой неблагодарной. Я не должна испытывать злость от их присутствия. И все же, когда я гляжу на этих богато одетых мужчин и женщин, которые сейчас сосредоточенно едят и пьют, мне трудно видеть в них людей, скорбящих вместе с нами. Скорее они представляются мне завсегдатаями званых обедов, явившимися сюда, чтобы посмотреть на других и показать себя, чтобы, демонстрируя свои модные наряды, постараться перещеголять друг друга.

Но как только я перестаю думать на эту тему, мое спокойствие прерывает появление отца Льюиса, графа Винчестера. Его присутствие, как всегда, выбивает меня из колеи. Я знаю, сегодня он будет пристально за мной наблюдать, и если ему удастся найти способ сместить меня с унаследованного мною места во главе клана и поставить туда Льюиса, он непременно это сделает. Для него брак между мною и его сыном – самый легкий и верный путь к власти.

– Прими мои соболезнования, Лилит, – говорит он. – Твой отец был великим человеком. Многие будут остро чувствовать эту утрату.

– Лорд Харкурт. – Как всегда, в присутствии отца Льюиса я чувствую настороженность. Интересно, буду ли я все так же нервничать, когда стану его невесткой?

– Отец оставил тебе весьма специфическое наследство. Будь покойна, если это наследие когда-нибудь покажется тебе... *обременительным*... найдутся те, кто с удовольствием освободит тебя от этой обузы.

– И одним из них, несомненно, окажетесь вы.

– Каждый из нас должен играть в полную силу, не так ли?

– Я не намерена *играть в игры*, милорд. А теперь прошу простить меня – я вынуждена вас оставить. – И, повернувшись, я быстрым шагом выхожу из комнаты. Я ни за что не покажу ему, как беспокойно на моей душе из-за того, что мне предстоит занять место отца в ведовском клане. Стоит проявить хоть малейший признак слабости, как граф Винчестер тут же за это ухватится. Мне нельзя позволить себе дать ему повод, пусть даже самый ничтожный, чтобы заявить, будто я, дескать, не способна справиться с возложенной на меня задачей. И я никогда себе этого не позволю. Когда-нибудь я войду в его семью, семью, в которой он будет главой, но даже после этого я по-прежнему буду стоять выше его в иерархии клана. Он не делает секрета из того, что это ему не по вкусу. Но я не позволю ему запугать себя и принудить подчиняться в вопросах, касающихся ведьмовства, какое почтение мне ни пришлось бы выказывать ему на людях в качестве жены его сына.

К счастью, в эту минуту в комнату легкой поступью входит моя дорогая подруга Шарлотта Пилкинтон-Эдамс. Она, как всегда, одета по последней моде и ухитрилась нарядиться так, что даже траур ей к лицу. Ее платье сшито не из тяжелого толстого шелка, в который по настоянию матушки облачились мы, а из самого тонкого бархата-деворе, и его покроем позволяет ей двигаться свободно и одновременно мягко подчеркивает юную прелесть ее форм. Хотя в ее наряде, должно быть, тоже жарко, по ней совсем этого не видно. Ее густые светлые кудри чинно заколоты и заправлены под шляпку, но их все равно видно, и они выглядят очаровательно. При виде меня хорошенькое личико Шарлотты освещается невольной улыбкой, и ей приходится обуздать свою природную жизнерадостность, чтобы не выглядеть неуместно оживленной в доме покойника.

– Милая Лилит. – Мы обмениваемся поцелуями. – У тебя тяжелый день, и все же ты выглядишь чудесно.

– А ты, Шарлотта, как всегда, похожа на солнечный лучик, и я очень рада тебя видеть.

– Наверное, тебе все это время без конца докучали всякие зануды? Я бы спасла тебя от них раньше, но у парадной двери давка. Я не сразу сумела протиснуться в дом.

– Наша семья никогда еще не пользовалась такой популярностью, как сегодня. Полагаю, некоторые люди находят в похоронах нездоровое очарование. А кроме того, поминки дают возможность обменяться последними сплетнями.

– Твой отец вызывал глубокое восхищение. Так что те, кто пришел в твой дом, хотят тебя поддержать. Я могу хоть чем-то помочь? – Она берет мои руки в свои. – Должно быть, ты совершенно измучена.

– Ты можешь избавить меня от общества графини Фрэмли. Она не преминет выдать мне порцию колких замечаний по поводу того, что мы не построили для отца мавзолей.

– Насколько я знаю, таково было его желание, так что никого другого это не касается. Глупая старая карга. Не бойся, я буду следить за ней в оба и перехвачу ее, если она попытается до тебя добраться. Я заметила, что здесь Льюис. Он, как всегда, выглядит восхитительно аппетитно, – не удержалась и пошутила она.

– Постарайся не вгрызаться в него своими зубками. Кухарка и так наготовила для гостей разных яств.

– Мне ли этого не знать? Как, спрашивается, девушке блюсти фигуру, когда ты соблазняешь лакомствами? – И, чтобы подчеркнуть свое негодование, она хватает с проносимого мимо серебряного подноса крошечную корзиночку мусса из копченой семги, запеченной в тесте. – Как бы то ни было, – продолжает она, – мне бы и в голову не пришло встать между Льюисом и тобой. Ведь вы с ним – самая очаровательная пара в Лондоне. Как же вы дразните свет, заставляя ждать, когда наконец будет объявлена дата свадьбы.

– Свету придется еще немного потомиться, Шарлотта. Я не собираюсь выходить замуж второпях.

– Речь вовсе не о том, что тебя кто-то торопит. Подумай сама, ведь вы помолвлены уже целую вечность.

– Мы помолвлены ровно год. К тому же я в трауре и никак не могу начать приготовления к свадьбе. Даже мама и та сказала бы «нет», а ты же знаешь, как страстно она желает, чтобы я наконец стала виконтессой Харкорт.

– Ну, если ты не планируешь сбежать из дома и присоединиться к движению за наделение женщин правом голоса или к какому-нибудь другому столь же современному явлению, то я полагаю, что ты права. – Шарлотта вздыхает. – Просто я думала, готовясь к свадьбе, ты могла бы занять свои мысли чем-то радостным, что тебе после всех этих ужасных месяцев совсем бы не помешало. Ведь теперь у тебя не останется дел и тебе будет нечем заполнить образовавшуюся в жизни пустоту.

Мне приходится напомнить себе, что моя милая Шарлотта, дружбой с которой я так дорожу, ничего не знает о Клане Лазаря и о моей роли в нем, что, иными словами, она и не подозревает: ее лучшая подруга – ведьма. Она понятия не имеет, насколько теперь будет заполнено мое время и заняты мысли. Она видит во мне всего лишь молодую девушку, которой больше всего на свете хочется выйти замуж и у которой нет других обязательств, кроме тех, что она приняла на себя, когда обручилась. Насколько же это далеко от истины! Но я никогда не смогу ей открыться. Как никогда не смогу открыться маме. Неужели мне всегда придется таиться от тех, кого я больше всего люблю? Неужели мне всегда придется скрывать от них большую часть себя?

К тому времени, когда уходят последние гости, я замечаю, что час уже поздний. Мама давно легла спать. Фредди уже давно ускользнул бог знает куда, чтобы заняться бог знает чем. Наконец-то в медленно сгущающихся летних сумерках я могу подняться по широкой лестнице в спальню – мое убежище. Я вижу, как на моей кровати, растянувшись, лежит любимый черный кот Яго.

– Так вот где ты скрывался весь день. – Я улыбаюсь, глядя его шелковистую шерсть. Кот растягивается еще больше, образуя невообразимо длинный и тонкий черный силуэт на белом покрывале кровати. Я наклоняюсь и целую его в лоснящуюся черную голову, отчего он мурлычет. – Тебе тоже будет не хватать моего отца, правда, дружок? – В ответ он нежно тыкается мордой в мою ладонь и щекочет ее своими усами. Я ясно помню тот день более десяти лет тому назад, когда отец подарил мне его. Он тогда уже был не котенком, а молодым котом, еще не полностью выросшим, тонким и мягким, словно бархатный шарф. Чернильная чернота шерсти красиво оттеняла его ярко-зеленые глаза.

– О, папа, он великолепен! – вскричала я, тут же взяв кота. – А глаза у него такого же цвета, как и мои.

– Его зовут Яго, – сказал отец. – Я дал ему это имя, чтобы ты всегда помнила, что ни одному человеку, каким бы красивым и умным он ни был, нельзя полностью доверять.

Я уже была знакома с трагедией Шекспира, в которой речь шла о ревности и предательстве, и в моем юном сознании хитрость Яго и его скользкое коварство оставили глубокий след.

– Но я доверяю тебе, папа.

– Ребенок должен верить родителям, это неизбежно. Но когда ты вырастешь и сможешь выбирать сама, все будет по-другому. Тогда решать придется самой.

Эти слова показались мне странными, но я была девочкой, так что где мне было их понять? Но теперь, теперь я понимаю их очень хорошо. Собственно говоря, я слышала от отца девиз Клана Лазаря каждый день с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. «*Вера и Молчание*». Если ты не будешь рассказывать о своих секретах вслух, у других не будет возможности предать тебя, выдав их. Верь клану и молчи. Этому меня и учили все это время. И вряд ли я когда-нибудь это забуду.

Хотя отец осторожно готовил меня к роли Верховной Ведьмы с самого моего рождения, мое обучение началось по-настоящему лишь в тот день, когда я вступила в клан. Наши собрания всегда проводились ночью. Уизерс, хотя сам он и не волшебник, был в курсе происходящего и делал так, чтобы мое отсутствие в доме оставалось незамеченным. Позднее, когда я достаточно выросла, чтобы иметь собственную камеру, отец приставил ко мне Вайолет. Все прошедшие с того дня годы это было таким благословением – иметь рядом с собой человека, который знает о ведовском клане и о моем месте в нем. Мы с ней посещаем собрания вместе, и если мне надо уехать из дома по его делам, Вайолет всегда меня сопровождает. Эта система многие годы хорошо служила отцу. Если бы мне случилось покинуть наш дом без должного сопровождения, многие, в том числе и мама, удивились бы и принялись задавать вопросы. К счастью, у моей матушки крепкий сон, так что все те часы, которые я провела в обществе наставников, остались ею не замеченными, хотя порой она и отпускала замечания по поводу моей необъяснимой усталости и темных кругов под глазами.

Пусть мне и не нравились уловки и ухищрения, на которые приходилось идти, чтобы непосвященные ничего не заподозрили, но как же я наслаждалась тем временем, когда училась быть полноправной ведьмой! Согласно нашим обычаям, юного волшебника или ведьму должны наставлять несколько членов клана. Правда, некоторые из них играют в процессе этого обучения лишь незначительную роль, как, например, милейший лорд Граймс, посвятивший меня в церемониальные обязанности, которые должна исполнять Верховная Ведьма. Его должность Хранителя Чаши связана с темными тайнами, но сам он милый человек и прилагал такие невероятные усилия, чтобы я не заскучала, что я быстро усвоила все церемониальные моменты моей будущей роли. Были и другие члены клана, которые слушали, как я декламирую заклинания, а также те, кто заставлял меня петь наши праздничные и благодарственные гимны до тех пор, пока я не выучивала в них каждое слово. Но главными моими наставниками были двое: естественно, отец, проводивший много часов, выслушивая, как я объясняю задачи и обязанности Клана Лазаря, и его друг. Он приводил различные доводы, направленные на опровержение моих утверждений, и заставлял меня глубже вдумываться в смысл сказанного.

Как часто отец напоминал мне, что все это он делает ради того, чтобы как можно лучше подготовить меня к роли предводительницы клана, которую мне когда-нибудь предстоит сыграть. И вот этот день настал, и Клан Лазаря скоро возглавлю я. Я сажусь на край высокой кровати и протягиваю руку к украшенному резными дикими розами изголовью, собираясь дернуть за шнур звонка. Скинув туфли, я несколько раз сгибаю и разгибаю усталые пальцы ног и вздыхаю с облегчением оттого, что самая худшая часть этого ужасного дня наконец осталась позади. Внезапно на меня наваливается невыносимая усталость. Я собралась было позвонить в звонок и вызвать к себе Вайолет, но вместо этого решаю несколько минут побыть одной. Я чувствую, как по спине бегут мурашки от волнения, когда я подхожу к противоположной стене комнаты и отодвигаю в сторону небольшую картину, за которой скрыт сейф. Я закрываю глаза и кручу диск замка, бормоча тайные слова, дающие доступ к хранящимся в его глубине драгоценным предметам. Раздается тихий щелчок, и дверца сейфа открывается. Доставая из него старинную шкатулку из зеленой кожи, я чувствую, как ко мне возвращаются силы при мысли о том, что сейчас я снова буду держать в руках драгоценные камни – бриллианты, которые принадлежали семье Монтгомери на протяжении жизни многих поколений и слухи о которых вышли далеко за пределы Британии. Я сажусь за туалетный столик и открываю шкатулку. Матушка надела это ожерелье, когда выходила замуж за моего отца, но она всегда считала его чересчур роскошными. И именно отец предложил подарить его мне, в день моего восемнадцатилетия. Мама сначала пришла в ужас от этой идеи, поскольку не представляла себе, как незамужняя девушка может прилюдно носить подобное. Но милый папа, зная о истинном предназначении этих камней для нашей семьи – и для меня, – настоял на своем. Он также настоял на том, чтобы мне было разрешено надевать это бриллиантовое ожерелье, когда я буду

выходить в свет, и с тех пор оно красовалось на мне на многих балах. Всякий раз, ощущая прикосновение прохладных бриллиантов к коже, я чувствую неразрывную связь с предками. Не только с аристократическим родом герцогов Рэдноров, к которому я принадлежу, но и со своим ведовским кланом. Ибо эти камни представляют собой средоточие могущества Клана Лазаря, без них Эликсир не имел бы силы. Я не могу удержаться от искушения подержать их в руках. Их магия сильна. Даже тусклого освещения моей спальни достаточно, чтобы они заиграли синими и зелеными красками. Их обрамление необычно, «лапки», держащие камни, похожи на застывший на морозе водопад, в котором каждый бриллиант заключен в изысканную оправу из белой платины, твердой и блестящей. Как и всегда, близость камней придает мне сил. Но тут Яго, который совершенно безразличен к значимости подобных вещей, громко мурлыча, прыгает ко мне на колени и уверенно устраивается между мною и предметом моего интереса. Часы на стене отбивают время.

– Ты прав, котик. Я должна позвать Вайолет и подготовиться.

Я убираю ожерелье в сейф, звоню камеристке и, снова сев за туалетный столик, начинаю вынимать шпильки из волос. Я все еще занята распусканием прически, когда в комнату бесшумно входит Вайолет и спешит мне на помощь.

– Пожалуйста, миледи, позвольте, это сделаю я.

Я охотно предоставляю свою шевелюру ее заботам. Уверена, без ее стараний я выглядела бы настоящим пугалом. Мои волосы могут смотреться пристойно, они черны как вороново крыло и очень густы, но они имеют опрятный вид, только когда должным образом причесаны и уложены. Если бы я занималась ими сама, я бы просто заплетала их в косу и не прибегала ни к каким ухищрениям. Но я обязана соответствовать определенным требованиям, и одно из них – непременно красивая прическа. Я закрываю глаза, когда Вайолет, ритмично двигая щеткой, начинает расчесывать волосы по всей длине. Интересно, Яго чувствует себя так же, когда я его глажу? Как это чудесно – находить успокоение в такой простой процедуре, как расчесывание волос.

– Сегодня был печальный день, миледи, – говорит Вайолет. – И долгий.

– Ты расскажешь слугам, как мама признательна им за все, что они сделали? Она была довольна, ведь прием гостей прошел как по маслу.

– Благодарю вас, миледи. Я непременно передам любезные слова герцогини.

– Теперь она больше не герцогиня, Вайолет, а просто леди Аннабель.

Помолчав, Вайолет отвечает:

– Я к этому нескоро привыкну, миледи.

И всхлипывает. Посмотрев в зеркало, я вижу: камеристка с трудом удерживается от слез. Я совсем было позабыла, что в своем горе не одинока. Бедняжка Вайолет. Неудивительно, что она так грустна. Она начала работать в нашем доме судомойкой, когда ей было всего лишь одиннадцать лет, хотя и эта оценка ее тогдашнего возраста была только предположением, поскольку она осталась круглой сиротой и никто не знал, когда именно она родилась. Она всегда была мне по сердцу. Мы с ней примерно одних лет, но дело тут прежде всего не в этом, а в том, что мы обе принадлежим к ведовской семье. Когда она, бедная сирота, появилась в нашем доме на площади Фицрой, отец, видимо, понял, что Вайолет особенная. Что она восприимчива к магии. С присущей ему дальновидностью он начал поощрять возникшую между нами дружбу. Мама не раз возмущалась, находя Вайолет не на кухне, а в нашей с Фредди детской, но отец в ответ на ее протесты говорил, что это часть ее обучения как моей будущей камеристки. Насколько труднее было бы мне вести двойную жизнь, если бы не помощь Вайолет.

И вполне естественно, что, когда я достаточно подросла, чтобы иметь собственную камеристку, я попросила отца отдать это место ей. Мы с ней так близки, как только могут быть близки хозяйка и служанка, и я знаю, как она была привязана к моему отцу. Именно из-за этой близости я и продолжаю обращаться к ней по имени, а не по фамилии, как требуют правила

этикета. Я глажу Вайолет по руке. И вижу, как в оправленном в серебро зеркале наши взгляды встречаются. У нее хорошенькое личико, открытое и говорящее о любознательности, большие карие глаза и выющиеся волосы.

– Мужайся, Вайолет. Ты же знаешь, что он не полностью для нас потерян.

Вайолет кивает и улыбается сквозь слезы.

– Не обращайтесь на меня внимания, миледи, – говорит она, убирая на место серебряную щетку для волос и складывая в шкатулку шпильки. Я знаю ее достаточно хорошо, чтобы понимать, что дальнейшие изъявления сочувствия с моей стороны только вызовут у нее новый приступ рыданий.

Я встаю, чтобы она смогла расстегнуть пуговицы на моем платье. В его жестком плотном шелке мне было жарко, и я с удовольствием снимаю его со своего тела. Затем Вайолет развязывает шнуровку корсета. Я от природы стройна, и у меня тонкая талия, но мода все равно требует, чтобы, нося его, я туго затягивала шнурки. Какое облегчение, когда Вайолет распускает их после такого долгого дня. Когда она наконец освобождает меня от корсета, я перешагиваю через упавшую на пол нижнюю юбку, потом снимаю с себя через голову тонкую шелковую сорочку. Веющий из открытого окна легкий ночной ветерок приятно холодит разгоряченную кожу. Я вытягиваю руки, и Вайолет помогает мне надеть накрахмаленную ночную рубашку, завязки которой я свободно завязываю на шее. Когда я смотрю в темное стекло окна, виднеющееся между незадернутых штор, на меня из него глядит мое собственное светлое отражение.

– Пойдем, – говорю я Вайолет. – Уже достаточно темно. Нам пора.

– Да, миледи. – Она приносит мне бархатный плащ, помогает завернуться в него и застегнуть прихотливо сработанную золотую застежку.

– Он такого красивого зеленого цвета, – замечает Вайолет.

– Темный, как сосновый бор, и переливающийся, как крыло стрекозы, – цитирую я слова отца, которые он сказал мне, когда я впервые надела ведьминский плащ. В ночь после моего тринадцатого дня рождения, когда совершилось мое посвящение в члены Клана Лазаря и жизнь изменилась навсегда.

Сопровождаемые следующим за нами Яго, мы выходим из спальни, проходим по коридору второго этажа и через дверь на его дальнем конце попадаем на крутую деревянную лестницу. Эта лестница, ничем не украшенная, со стертыми ступенями, предназначена не для слуг и не для торговцев, а исключительно для членов семьи хозяина дома, чтобы они могли попасть из спален в сад, оставаясь незамеченными. Узкая дверь выходит прямо на лужайки. На землю уже опустилась тихая теплая ночь, сменившая знойный день, и из-за высоких стен сада слышен приглушенный шум городской суеты. С темно-синего неба светит яркая чистая луна. Я быстро прохожу по узкой, усыпанной гравием дорожке. Вайолет торопливо идет за мной, и вместе мы проходим короткий путь, который за прошедшие годы прошли уже сотни раз.

Мы идем через нижнюю часть сада, мимо лужаек, кустов и любовно ухоженных зарослей роз. Затем поднимаемся по невысокой лесенке, которая ведет на террасу, скрытую кронами фруктовых деревьев, грецких орехов и магнолий. Слева от нее стоит деревянный, выкрашенный белой краской летний павильон с изогнутыми фронтонами и верандой. Яго знает, что, пройдя по террасе, мы направимся именно туда, и, забежав вперед, ждет нас у двери. Я достаю из кармана плаща ключ и отпираю замок. Внутри павильон выглядит именно так, как и полагается такому сооружению, – у стен стоят полосатые шезлонги, в углу притулился сложенный зонтик от солнца, здесь же стоят два разборных стола на козлах и хранятся принадлежности для игры в крокет, и все эти предметы немного потерты. Однако этот летний павильон отличается от своих собратьев, находящихся в других садах, одной маленькой деталью. В дальнем его углу, тщательно замаскированная под обшитую вагонкой часть стены, находится еще одна дверь. Я вынимаю из кармана второй ключ и отпираю ее. Мы с Вайолет проходим через нее, кот опять бежит впереди. Я останавливаюсь и снова запираю за нами замок.

Мы несколько секунд стоим в крошечной тьме, царящей в помещении. Здесь до нас уже не доносятся никакие городские шумы. Я успокаиваю мысли, делая глубокий вдох, чувствуя немного затхлый запах лестничного проема, ощущая его прохладный воздух на своем лице. Я закрываю глаза и знаю, что то же самое делает сейчас и Вайолет. Как и подобает, мы с ней не торопимся с переходом из Внешнего мира в место, священное для нашего клана. С минуту мы стоим неподвижно, предаваясь созерцанию, и за это время наши учащенно колотящиеся сердца начинают биться медленнее, дыхание становится ровным, растревоженный разум приходит в равновесие. Мы привыкли так себя вести, эта привычка порождена долгими годами, в течение которых мы слушали и наблюдали, учились, росли и постепенно превращались в полноправных и преданных членов Клана Лазаря.

Чем ближе я подхожу к сердцу нашего клана, тем сильнее чувствую себя дома. Но я не смогла бы объяснить своих чувств человеку, никогда не испытывавшему радости от возможности творить магию. Что бы подумала обо мне, узнав правду, моя милая Шарлотта? Не сочла бы она меня чудовищем?

Когда я вновь открываю глаза, они уже привыкают к царящему мраку, поэтому я начинаю различать его оттенки. Вокруг двери, через которую мы сюда попали, тьма немного светлее от света луны, льющегося в окна летнего павильона. Просачивается слабый свет и сквозь крошечную щель в черепичной крыше. А прямо передо мной чернеет крошечная тьма винтовой лестницы, уходящей вниз. Хотя мне хорошо знакома в ней каждая ступенька, каждая неровность, каждый поворот, я ни за что не сойду по ней без светильника. Там, внизу, моя святая святых. Мой клан. Мой собственный. Я никогда не стану спускаться туда, обьятая тьмой. Отныне я всегда буду являться, окруженная теплым светом. Ибо Верховная Ведьма Клана Лазаря – это мост между днем и ночью, между жизнью и смертью. С сегодняшнего дня я символизирую бьющиеся сердца живых, даже когда нахожусь среди мертвых. Отныне я всегда должна окружать себя светом, ибо иначе мне будет грозить опасность потеряться на другой стороне еще до того, как пробьет мой час.

– Свет! – Мой голос гулко отдается от холодных стен. – Сейчас!

С коротким свистящим звуком вспыхивает свет. В массивных чугунных кольцах, вбитых в стены через равные промежутки на нашем пути, укреплены толстые факелы, и все они теперь горят ярким светом, колеблющимся в вихрящемся воздухе подземелья и отбрасывающим на все вокруг пляшущие тени. Мы движемся вниз, одной рукой поддерживая подолы своих одежд, а другой касаясь стены. Здесь нет ни перил, ни веревки, за которую можно было держаться, но сырые камни под нашими пальцами создают хотя бы иллюзию опоры во время нашего крутого спуска. Лестница проходит под садом, пока не доходит до длинной комнаты с низким потолком, которая находится прямо под нашим домом. Здесь мрачность уступает место комфорту. Пол устилают толстые ковры, серые каменные стены оживляют развешанные на них картины и карты. Вдоль них стоят низкие деревянные скамьи с мягкими сиденьями, словно в какой-то богато убранной прихожей. Тут пришедшие первыми колдуны собираются и ждут, прежде чем пройти в святилище клана. В каждой стене здесь есть несколько дверей. За некоторыми из них, как за той, которую только что закрыла за собой я, скрываются лестницы. Одна из дверей, распашная и пышно украшенная изображением огромной зеленой стрекозы с туловищем из яркой эмали и крыльями, сделанными из нескольких слоев тончайшего серебряного шитья, ведет в главный зал. Другая дверь, единственная в своей стене, с низкой притолокой, массивна, усеяна железными шляпками гвоздей и имеет крепкие петли с широкими длинными крыльями. Яго сбегал по ступеням, обогнав нас с Вайолет, и теперь сидит на одной из скамей, лениво вылизывая лапы.

Я поворачиваюсь к камеристке и беру ее руки в свои.

– Подожди меня здесь.

– Вы уверены, миледи?

– Уверена.

– Тогда я останусь. Но если понадобится...

– ...я тебя позову.

Вайолет кивает и чуть заметно улыбается, чтобы поддержать меня. Не понимаю, отчего я чувствую волнение. Нет, это не волнение, это нечто большее. Может быть, страх? Нет, в это я не верю. Чего мне бояться? Ведь я готовилась к этому моменту так долго. Меня готовил к нему отец. И я должна верить, что готова. Я призываю на помощь все свое мужество и, быстро подойдя к низкой двери, кладу на нее ладонь.

– Откройся, – говорю я, и дверь медленно открывается, скрипя массивными петлями. Я иду внутрь. По мере того как я прохожу мимо укрепленных на стенах факелов, они вспыхивают ярким пламенем. Наконец проход расширяется, и вот я уже стою в просторном древнем помещении, где покоятся останки моих предков – в катакомбах рода Монтгомери. И здесь, в центре мощенного каменными плитами подземелья, с усталой улыбкой на так хорошо знакомом мне и любимом мною лице, раскрыв объятия, стоит мой отец.

* * *

Брэма ждут в доме Ричарда Мэнгана не раньше девяти часов вечера, поэтому он заходит в небольшой ресторанчик в Мэрилебоун и садится за столик. Ожидая, когда принесут заказанную еду, он вынимает наброски, сделанные на кладбище, и внимательно вглядывается в них, ибо самый взыскательный критик его работ – это он сам.

Какое бледное подобие того, что я видел. Сила и достоинство этой скорбящей семьи... они как будто есть, и в то же время их нет. Нет. Нет. Может быть, у меня получилась вот эта фигура? Да! Вот оно. Какая-то искра. Надо будет продолжить работу над ней. Цвет. Да, цвет ее оживит.

Официант приносит заказ, и он с неохотой освобождает на столике место для еды.

Правильно ли я делаю, что верю в то, что смогу это сделать? Поможет ли мне наставник раскрыть талант живописца или же просто объяснит, что надеяться не на что?

Он съедает на обед бифштекс, чувствуя, что в следующий раз отведаст сытную еду нескоро, поскольку привез с собой немного денег, затем встает из-за стола и продолжает путь к дому в Блумсберри, где проживают скульптор с семьей. В письме Мэнган предупредил, чтобы Брэм ожидал в его обители «изрядной расхлябанности и злоупотребления своим положением как со стороны взрослых, так и со стороны детей». Предупредил он также, что ни его жена, ни его любовница не видят смысла в работе по дому. А поскольку слуг они не держат, продолжал скульптор, – как из принципа, так и из соображений экономии, – в доме несколько «неопрятно».

Брэм находит нужную улицу без труда. Она расположена на самой границе района, где шикарные, с украшенными лепниной фасадами особняки уступают место более скромным постройкам. На первый взгляд дом Ричарда Мэнгана выглядит довольно пристойно. Сада перед ним нет, и с улицы к парадной двери просто ведет несколько каменных ступенек. Краска на деревянных частях здания местами облупилась, но в общем и целом оно выглядит достаточно крепким, а в открытых окнах видны веселенькие занавески. Уже начинает смеркаться, и в комнатах, выходящих на улицу, приветственно сияют светильники – скорее всего масляные лампы. Из окон комнат доносятся музыка и крики, и Брэм решает, что там проходит какая-то вечеринка. Он стучится в дверь, но стук остается без ответа, что, впрочем, не удивляет его, и поскольку дверь оказывается незапертой, он входит в дом без приглашения.

Несмотря на все предупреждения Мэнгана, Брэм совершенно не готов к хаосу, которым встречает его дом скульптора. Воздух здесь так пропитан запахами масляных красок и скипидара, что у Брэма начинает першить в горле. В коридоре нет ни единого светильника, и

его освещает только свет ламп, проникающий сюда из открытых дверей комнат, а также из того, что больше всего походит на большую дыру в задней стене дома. В коридоре развешено великое множество картин и зеркал, но совершенно отсутствует какая-либо мебель, тут нет ни единого стула или стола, а на стенах не видно крюков, на которые можно было бы повесить куртку или шляпу. Зато к ним везде прислонены незаконченные полотна, и на каждом шагу попадаются завернутые в материю глыбы камня и небольшие глиняные скульптурные эскизы. Ничем не застеленный дощатый пол очень удобен для катания на велосипедах, чем пользуются то ли трое, то ли четверо (они ездят так быстро, что Брэму не удастся точно определить их число) маленьких детей. Их радостные крики смешиваются с доносящимися из одной из комнат громкими звуками игры на пианино, а также с возбужденным лаем большого косматого, но, к счастью, дружелюбного охотничьего пса, который носится вокруг Брэма, пытающегося поставить на пол багаж.

За двумя самыми маленькими из детей пытается угнаться розовощекая женщина с избыточным весом.

– Близнецы! Близнецы! – кричит она им вслед, когда они проносятся мимо, сидя на одном трехколесном велосипеде. – Я приготовила для вас ванну. Идите купаться, и поскорее. Нельзя же впустую тратить горячую воду. Что скажет папа?

Но ребяташкам, похоже, все равно, они только крутят педали быстрее и хихикают еще громче.

– Близнецы! – жалобно кричит женщина, глядя, как они исчезают в дыре в задней стене и, насколько может сказать Брэм, выезжают в находящийся за домом быстро темнеющий сад. Наконец заметив его присутствие, она расплывается в улыбке. – О! Вы и есть тот художник?

– Да, это я. – Брэм торопливо срывает с головы шляпу и готовится представиться по всем правилам, но женщина вдруг отворачивается и, глядя на уходящую на второй этаж лестницу, вопит:

– Гудрун! Гудрун, он здесь. Не могла бы ты сказать об этом Перри? – И бежит по лестнице вверх.

Брэм, чувствуя себя неловко, продолжает ждать в коридоре, окруженный со всех сторон хаосом, который все нарастает. Дети выезжают на велосипедах из дверей и въезжают в сад, другие дети, не близнецы, бегают туда-сюда, а пес решает, что с ними ему будет веселее, чем с Брэмом, и пускается за ними. Со второго этажа доносятся громкие голоса взрослых. Рядом с бедным художником останавливается бледный мальчик лет семи с удивительно рыжими волосами и с серьезным видом смотрит на него.

– Папа вышел, – говорит он.

– Гм, понятно. А эта женщина твоя мать? Миссис Мэнган?

– Нет и да, – отвечает мальчик. – Она не моя мать, но она и есть миссис Мэнган.

– Ах вот оно что.

– Меня зовут Фридом, – представляется мальчик, затем показывает на проносящиеся мимо на велосипедах маленькие фигурки. – Это Онести, Трут и Пьюрити. А это близнецы: Лео и Винсент, но чаще всего мы зовем их просто близнецами.

– Я Брэм. Брэм Кардэйл. Я буду здесь жить. Я художник.

Мальчик воспринимает это сообщение без какого-либо интереса.

Сколько таких, как я, он уже перевидел? Сколько их как пришло, так и ушло? – думает Брэм. – *Сколько подающих надежды художников с сомнительными способностями и огромным честолюбием?*

– Ты знаешь, когда должен вернуться твой отец? – спрашивает Брэм.

Мальчик только пожимает плечами.

– Кто может с уверенностью сказать, что будет делать Мэнган? – слышится голос с лестницы. По ней со второго этажа спускается женщина с такими же рыжими волосами, как у маль-

чика, но у нее они длинные, распущенные и свободно ниспадают на плечи. Она очень красива и, судя по акценту, родом из Германии. Ее широкая юбка испачкана красками, а по блузке видно, что под ней нет и намека на корсет. Двигается она грациозно и плавно. – Мэнган делает только то, что хочет, и только тогда, когда ему заблагорассудится, – продолжает она. Она сходит с лестницы и останавливается перед Брэмом.

Теперь, когда она стоит от него совсем близко, он видит, что и лицо ее испачкано масляной краской. Она достает из серебряного портсигара тонкую манильскую сигару и вставляет ее в рот.

– Огоньку не найдется?

– Боюсь, я не курю.

– Жаль. – Она медленно оглядывает его с головы до ног. – Ты и впрямь такой сильный, каким кажешься?

Брэм чувствует некоторое смущение.

– Мне трудно ответить на этот вопрос. А насколько сильным я, по-вашему, кажусь?

– Весьма и весьма. И ты к тому же хорош собой. Вернее, был бы, если бы не ужасная одежда. – Она пренебрежительным жестом показывает на его рубашку. – Если ты будешь держать все эти пуговицы застегнутыми в такую жару, то наверняка умрешь. Неужели тебе хочется умереть молодым?

Брэм не знает, на какую из этих колкостей и замечаний следует ответить в первую очередь. Но прежде чем он успевает сформулировать мысль, прекрасное рыжее видение отворачивается к лестнице и зовет своим низким грудным протяжным голосом:

– Перри! Иди сюда и познакомься с нашим новым художником-любимчиком.

Брэм совсем не уверен, что ему нравится, когда его так называют. И он, конечно же, никогда еще не встречал такой странной женщины.

Но ведь это же Лондон, – напоминает он себе. – Это дом человека искусства. Люди здесь ведут себя по-другому. Я должен научиться держаться так же раскованно, как и они, а не пугаться их манер.

Вспомнив то, что ему известно о частной жизни Мэнгана, он решает: странная женщина – это его любовница, приехавшая из Берлина, которая, кстати, и сама является успешной художницей. А та, что пониже ростом и куда толще, – это супруга скульптора. Фридом сын от любовницы. Что касается остальных ребяташек, то, поскольку ни у кого из них нет ярко-рыжих волос, они, должно быть, его законные дети.

Миссис Мэнган спускается по лестнице, слегка запыхавшись, за ней идет тощий молодой человек с добрым лицом и песочного цвета волосами.

– А, Гудрун, вот ты где. Перри, дорогой, тебе не нужно кашне, вечер такой теплый. – Она снимает шарф с шеи молодого человека и мягко подталкивает его по направлению к двери. – Ну же, все, скорее выходите. Нельзя терять ни минуты.

Брэм с удивлением обнаруживает, что его выпроваживают на улицу.

– Куда мы идем? – спрашивает он. Ноги все еще гудят от долгих часов ходьбы, и он чувствует, что реакция обитателей дома не оправдала его надежд.

Гудрун засовывает руку во внутренний карман пиджака Перри и достает оттуда зажигалку. Она подносит огонь к кончику сигары, потом возвращает зажигалку на место, при этом ее рука на мгновение задерживается на лацкане пиджака молодого человека. Едва заметный жест, но Брэму он кажется ошеломительно фамильярным. Это впечатление усиливается потому, что Перри не обращает на жест Гудрун ни малейшего внимания. Она между тем глубоко затягивается дымом сигары, так что ответ на вопрос Брэма приходится дать ее другу.

– Джейн хочет, чтобы мы доставили Мэнгана домой, – поясняет он.

– Сходили за ним и притащили его обратно! – возмущается Гудрун сквозь клубы сигарного дыма. – Как будто мы все тут его преданные собачки.

– Он страшно распсиховался и сказал, что непременно пойдет в заведение мистера Чжоу Ли.

– Мистера Чжоу Ли?

Ноги Перри короче, чем у Гудрун и Брэма, так что ему приходится бежать, чтобы не отстать от них.

– Он содержит курильню, которая пользуется немалой известностью. Она находится у реки.

– Не лучше ли взять кеб? – предлагает Брэм.

Гудрун бросает на него острый взгляд.

– Так ты, художник, богач?

– Нет, вовсе нет.

– Тогда береги деньги. Они тебе еще пригодятся.

Перри смеется:

– Она права. Ни у кого из нас никогда не бывает и шиллинга. К тому же идти до курильни недалеко. – Затем, вспомнив о правилах хорошего тона, о которых он явно вспоминает нечасто, он протягивает Брэму руку. – Я Перегрин Смит, помощник Мэнгана. Зови меня Перри, так меня все называют.

– Это ты так считаешь, – загадочно бросает Гудрун.

– Брэм Кардэйл. – Они пожимают друг другу руки. – Неужели он позволяет вам себе помогать? Я хочу сказать, с ваянием?

– О! – Перри краснеет. – Нет, почти не позволяет. Я помогаю ему просто... ну, вы понимаете... в других вещах. Я, знаешь ли, стараюсь быть полезным. Но и я немного занимаюсь искусством. Когда у меня появляется время. Само собой, до Мэнгана мне далеко.

– Тогда зачем вообще об этом говорить? – Гудрун ускоряет шаг и обгоняет мужчин.

– Она всегда такая сварливая? – спрашивает Брэм.

– О нет, – замечает Перри. – Иногда она ведет себя еще хуже.

Они смеются, затем замолкают, пробираясь по запруженным народом улочкам. Вскоре благоустроенные кварталы города остаются позади, и двое мужчин и Гудрун начинают петлять среди тесных рядов обшарпанных домишек. Они продвигаются вперед по узким переулкам, и через какое-то время до них начинает доноситься зловоние, которое всегда исходит от вод Темзы летом. А это значит, что жилище мистера Чжоу Ли уже близко.

Глава 3

Я удерживаюсь от необоримого желания броситься в объятия отца. Я, разумеется, знаю, что передо мною находится только бесплотный дух, в то время как тело отца покоится в сверкающем гробу за его спиной, как и останки других наших предков, и что, несмотря на искренность его жеста, он не может меня обнять. Я не испытываю ни тревоги, ни страха при виде стоящего передо мною призрака, в отличие от большинства других людей, окажись они на моем месте. Я полностью осознаю как опасности, так и преимущества обращения к душам мертвых для помощи в ведовстве и предсказании будущего. Для меня всегда было большим утешением знать: я могу поговорить с теми, кого люблю, конечно, если они сами этого захотят. И все же мне нужно время для того, чтобы перестать скучать по физическим объятиям папы и привыкнуть к тому, что теперь он бесплотен. Сейчас, стоя рядом с ним, я вспоминаю первый раз, когда мне довелось самостоятельно вызвать дух. Это был захватывающий момент. В тот первый раз я не только услышала, но и *увидела* кого-то из Царства Ночи. Увидела, как он обретает призрачные очертания, как приближается ко мне. Я говорила с ним, слышала его. И все это время осознавала: дух находится здесь, передо мной, потому что я некромантка и он ответил на мой зов.

С первого раза вызвать дух умершего не удастся никому.

Льюису и мне было велено совершенствоваться в данном умении: говорить с умершими, но не просить их при этом являться перед нами. Как и всегда, моему будущему жениху было скучно упражняться, раз за разом повторяя одни и те же действия, и ему не терпелось поскорее перейти к тому, для чего, собственно, и служит искусство некромантии.

– Послушай, Лили, сколько еще мы должны повторять одно и то же? Я могу вызвать духов в два счета. И твой отец это знает. Знают это и лорд Граймс, и Друсилла. Мы просто зря тратим время, раз за разом повторяя то же самое. – Говоря это, он беспокойно мерил шагами пространство прихожей.

Еще одна моя наставница, обучившая меня магическим навыкам, которыми я владею, это старейшая ведьма нашего колдовского клана Друсилла Ларкспер. Я чувствую исходящую от нее магическую силу, просто стоя с ней рядом. Меня удивляет, что этой силы не ощущают сталкивающиеся с ней неволшебники. Им невдомек, отчего ее глаза так блестят, а кожа так сияет, несмотря на то что ей уже по меньшей мере девяносто лет. Правда, во всем остальном она выглядит как пожилая женщина, пусть и довольно высокая, и хотя она и ходит с палкой, но никогда не опирается на нее. Она очень худа, и на ее лице видны следы забот, которые омрачали ее жизнь. Однако в ней чувствуется такая душевная сила! Она была прекрасной наставницей, но не терпела в своих учениках ни лени, ни ложной скромности, так что каждому из нас приходилось быть очень внимательным и осторожным, чтобы не вызвать ее неудовольствия. Она нередко проводила уроки в полной темноте, что уже само по себе было для нас настоящим испытанием.

Тогда я посмотрела на Льюиса с улыбкой.

– Друсилла говорит, что занятия никогда не бывают пустой тратой времени, потому что надо стремиться к совершенству.

– По-моему, в этом деле невозможно добиться совершенства. Всех этих духов никак нельзя назвать дисциплинированными существами, которые делают все, что ты им велишь...

– Но мы и не должны ничего им приказывать, когда вызываем их.

В это мгновение мы оба вздрогнули, поскольку одна из дверей в подzemелье внезапно отворилась. Повернувшись к ней, мы увидели отца, он стоял в дверном проеме, и на лице его было написано едва сдерживаемое раздражение.

– Я рад, что после всех уроков ты усвоила хотя бы это, Лилит, – сказал он.

Несколько уязвленная его словами, я ответила:

– Я делаю все, что в моих силах, папа.

– Надеюсь, это и впрямь так. Что ж, посмотрим, чему вы двое научились, раз вы такие *знатоки*. – Он бросил последнее слово, подчеркнуто обращаясь к Льюису. – Ну, кто из вас может ответить мне, в чем состоит разница между тем, чтобы «вызвать дух» и «приказать духу явиться»?

Надо отдать ему должное, Льюис ответил на этот вопрос без малейшего намека на обиду.

– Вызывая дух, ты просишь его явиться, приглашаешь прийти в Царство Дня и встретиться с живыми. У духа же, которому ты приказал явиться, нет никакого выбора. Если некромант достаточно искусен, такой дух должен по меньшей мере поговорить с ним. В идеале он обязан также показаться некроманту, хочет он того или нет.

– А если некромант недостаточно искусен? Что может произойти в этом случае?

– Это зависит от того, – ответил Льюис, не обращая внимания на то, что отец явно пытался поймать его на недостаточной осведомленности, – что собой представляет дух, которому ты приказываешь явиться. Если это Кроткий Дух, который просто... не хочет являться, может получиться так, что он всего-навсего не ответит. Если же это Темный Дух и он яростно противится власти некроманта, ну... тогда могут возникнуть неприятности.

Отец выразительно поднял брови.

– Я хочу сказать, – продолжал Льюис, – что такой дух может навязать свою волю некроманту или же другим людям, присутствующим на сеансе. Он может причинить вред. – Даже Льюис почувствовал, насколько неудовлетворителен его ответ. И замолчал.

Отец заговорил, шагая взад-вперед по залу.

– Темный Дух, получив приказ явиться от недостаточно искусного некроманта, способен нанести серьезный ущерб. Он может причинить боль или даже увечье как неумелому волшебнику, так и тем, кто находится рядом. Хуже того, он может отказаться вернуться в Царство Ночи и превратиться в назойливое привидение. Клан продолжает существовать лишь потому, что мы соблюдаем правила и держим наше существование в тайне. – Он остановился перед Льюисом и устремил на него суровый взгляд. – Как ты думаешь, сколь долго он смог бы просуществовать, если бы из-за безрассудства кого-то определенного духи начали бы снова тудасюда, пугая простых людей и ворча, что аристократы нарушили их покой?

Льюис открыл было рот, чтобы ответить, но отец остановил его поднятием руки.

– Кроме того, – продолжил он, – ты ни слова не сказал о еще одной весьма реальной опасности, которую могут повлечь за собой неумелые действия некроманта, пытающегося приказывать подобному духу явиться в Царство Дня. – Он повернулся ко мне. – Ну, Лилит, может быть, на этот счет нас просветишь ты?

– Да, папа. В самом худшем случае существо, обитавшее во Тьме, сможет воспользоваться разрывом, вызванным неумелым повелением некроманта...

– Разрывом в чем?

– В границе между Царством Ночи, где обитают усопшие, и Царством Дня, где по земле ходят живые. Во Тьме, как мы знаем, обретаются те духи, которые недостойны быть ни в одном из этих двух царств.

– И что же это за духи?

– Это демоны, души злых колдуний и колдунов и прочие существа, большинство из которых не люди.

– Вот видишь, Льюис. – Отец сел на одну из обитых гобеленовой тканью скамей, расставленных вдоль стен. Его гнев утих, и теперь он смотрел на парня строгим, но добрым взглядом. – Разве хотели бы вы с Лилит, чтобы подобные существа свободно разгуливали по Царству Дня?

– Нет, сэр, не хотели бы.

Отец кивнул.

– А если бы вы представляли себе, как трудно бывает загнать демона обратно во Тьму, вы бы, я полагаю, остановились и призадумались. Вы прирожденные волшебники, вам повезло родиться в семьях, которые понимают и всячески пестуют ваши способности и признают ваше право обучаться магии. Но члены Клана Лазаря отличаются от других магов тем, что наша главная сила – это некромантия, то есть общение с духами усопших. А общение с теми, кто ушел в Царство Ночи, – это настоящее искусство, которому надо учиться. И учиться усердно. Никогда этого не забываете. – Он замолчал, пытливо вглядываясь в наши лица, потом вдруг хлопнул себя по коленям и уже менее серьезным тоном добавил: – А теперь, дети, доставьте удовольствие наставнику. Прочитайте клятву Клана Лазаря. Достаточно громко, чтобы показать, что вы действительно ею прониклись.

Мы с Льюисом посмотрели друг на друга, улыбаясь. Нотация подошла к концу. И мы вместе продекламировали:

Вера и Молчание:

Дабы хранить Великую Тайну,

Дабы донести ее для тех, кто придет после нас,

Дабы чтить тех, кто ушел до нас,

Дабы щадить невинных.

Отец кивнул, и клянусь, я увидела на губах чуть заметную улыбку, а глаза его едва ощутимо прищурились.

– Что ж, очень хорошо. Не будем заставлять Друсиллу ждать. Думаю, она уверена, что каждый из вас сумеет успешно приказать духу явиться и при этом избежит тех накладок, о которых вы, похоже, прекрасно осведомлены. Давайте же, быстрее, она старая дама, а стало быть, ее время более ценно, чем ваше или мое, – сказал он, махнув рукой в сторону двери в Великий Зал.

Сейчас передо мною стоит дух дорогого отца, кажущийся мне таким же осязаемым, как и любое существо из мира живых.

– Дочка, моя милая девочка, – тихо произносит он, и его голос, как это часто бывает с голосами духов усопших, кажется более тонким, чем был при жизни.

– О, папа! – Я с трудом сдерживаю слезы.

– Полно, полно, сейчас не время плакать. Мы с тобой знали, что этот день придет. И, как видишь, я все еще здесь, разве не так?

Я качаю головой и сжимаю руки в кулаки, вонзая ногти в ладони, чтобы не разрыдаться.

– Но, отец...

– Я знаю. Нам надо внести... кое-какие коррективы в план.

– И я должна занять твое место Верховной... но буду ли я пользоваться должным авторитетом как глава ведовского клана?

– Ты его приобретешь, Лилит. Со временем. Я согласен, для девушки, которой только что исполнился двадцать один год, принять на себя руководство кланом – это необычно. Необычно, однако вовсе не беспрецедентно. Подумай о тех, кто стоял там, где сейчас стоишь ты, и сомневался в себе так же, как в эту минуту сомневаешься ты.

– Но что, если я потерплю поражение?

– Этого не случится, – говорит он. – Посмотри на меня, дочка.

Я устремляю на него взгляд, мои губы решительно сжаты, но боюсь, что глаза выдают глубокую тревогу, которую я испытываю.

– Ты не потерпишь неудачу, потому что *не должна*. Ты меня понимаешь, не так ли, Лилит?

– Да, понимаю.

Отец медленно кивает.

– Ты моя дочь. Ты долго и упорно училась. Я знаю, ты, моя дорогая, достойна возглавить клан. И тебе известно, что ты будешь не одна. Тебя будет поддерживать клан, и прежде всего лорд Граймс и Друсилла. И разумеется, ты можешь рассчитывать на мою помощь и советы.

– Да, папа. – Я должна быть сильной, и не только ради того, чтобы оправдать чужие ожидания. Сколь многое сейчас стоит на кону! Я заставляю себя глубоко вздохнуть, чтобы успокоить нервы и не уронить своего достоинства. – Я не разочарую тебя, отец, клянусь.

– Все ли готово для церемонии?

– Да, все было сделано в соответствии с твоими указаниями. Когда минует ровно месяц с тех пор, как твое сердце остановилось, точно в полночь мы все соберемся здесь. Все члены клана уже оповещены.

– Хорошо, хорошо. Для меня, дитя мое, это будет прекрасная ночь. – Он улыбается мне, затем показывает на одну из скамей. – А теперь посиди со мной и развлеки меня рассказом о том, как прошел день. Мне интересно, как скоро граф Винчестер сообщил, что с удовольствием бы избавил мою малышку от свалившихся на нее обременительных обязанностей главы клана, сколько раз графиня Фрэмли назвала тебя своей душечкой и сколько на поминки было потрачено не самого лучшего кларета?

Чувствуя, как радость от общения с отцом поднимает мне настроение, я усаживаюсь рядом с ним, и мы начинаем болтать о событиях минувшего дня. Сказать ли ему о том неизвестном духе, который без приглашения заговаривал со мною нынче несколько раз? Но после последнего его обращения прошло уже много часов, и с тех пор он не объявлялся... Возможно, у меня просто распалились нервы. Возможно, из-за горя, жары и терзавшей тревоги за семью мне все это почудилось. Мы с отцом успеваем поговорить всего лишь десять коротких минут, когда до нас доносится звон серебряного колокольчика, глухо отдаваясь от низкого потолка и толстых стен похожего на пещеру зала.

Я вскакиваю на ноги.

– Это Уизерс! Что-то стряслось.

– Ты должна идти, Лилит.

– Так скоро, папа? Мне хотелось побыть с тобой подольше.

– У нас еще будет для этого время. Ты нужна семье. Иди, – говорит он ласково, но твердо и, произнося эти слова, беззвучно отходит назад, в тень стен, пока сумрак не поглощает его целиком.

Поспешно вернувшись в дом вместе с Вайолет и Яго, я встречаю в вестибюле верного дворецкого.

– Простите, что побеспокоил вас, леди Лилит, но мне только что доставили вот это. – Он протягивает записку.

Взяв ее из его рук, я тут же узнаю необычный почерк мистера Чжоу Ли.

«Ф. М. стать худо. Лучшие прийти забрать его».

У меня екает сердце. Почему это должно было произойти именно сегодня? Но если подумать, почему бы и нет? Ведь я не единственная, кто унаследовал от отца особый дар. И не единственная, кто горюет о его кончине.

– Уизерс, нам понадобится кеб.

– Я уже вызвал миледи. Он ждет на улице.

– Тогда нам надо спешить.

– Я взял на себя смелость попросить миссис Джессап постелить его светлости на кушетке в библиотеке. Может статься, что нам не удастся... помочь ему подняться по лестнице в спальню.

Я испытываю шок, услышав, как моего брата называют «его светлостью». Что ж, придется привыкнуть и к этому. Нравится мне это или нет, но наша жизнь изменилась навсегда, и Фредди, как бы мало он ни годился для этой роли, теперь носит титул герцога Рэднора.

* * *

По мнению Николаса Стрикленда, ему работается лучше всего в часы, когда за окнами темно и меньше людей может прерывать ход его мыслей. В Уайтхолле в силу его предназначения вечно царит суэта, поскольку здесь великое множество государственных служащих делает все, что в их силах, чтобы управлять политиками, которые доверены их заботам. Именно для того, чтобы избежать этой неразберихи, Стрикленд и постарался заполучить для себя несколько служебных кабинетов и жилых комнат в Арке Адмиралтейства, соединяющей юго-западный угол Трафальгарской площади и улицу Пэлл-Мэлл. Борьба между чиновниками за то, чтобы занять столь престижное рабочее место, была воистину яростной, но Стрикленд был абсолютно уверен в том, что получит то, чего хочет. Его личные апартаменты находятся на верхнем этаже, их окна выходят прямо на Пэлл-Мэлл, и из них открывается вид на Букингемский дворец. Окна же выбранных им для себя служебных помещений, располагающихся на этаж ниже, находятся на фасадной части здания, что позволяет ему смотреть на крыши зданий на Даунинг-стрит и башни и шпили Вестминстерского дворца, где заседает парламент. Никогда еще, по убеждению Стрикленда, никакое здание не было расположено столь идеальным образом для того, чтобы продемонстрировать, где в Британии находится центр власти, ибо именно здесь сходятся монархия и государство. К западу отсюда размещается королевская семья, уважаемая и привилегированная. На востоке работают парламент и правительство, напористые, опасные и умные люди. Власть и тех и других зиждется на труде обычных работяг. И те и другие обязаны своим выгодным положением любви все тех же рабочих масс, выючных животных королевства. И тех и других обслуживает – или же, если у вас другая точка зрения, – и теми и другими руководит хитроумный ум тех, кто является мостом между этими двумя мирами. Здесь, в точке, где право монарха сталкивается с мандатом, полученным от общества, стоят невидимые чиновники, способные манипулировать и теми и другими в своих собственных целях. Одним из таких чиновников и является Стрикленд. Разумеется, мелкие желания этих следующих заветам Макиавелли фигур не имеют никакого значения ни для кого, кроме них самих. Стремительный взлет чиновника по служебной лестнице, попытка заработать симпатии власть предержащих и возможность зарабатывать деньги на фондовом рынке или общаться с аристократами в их загородных поместьях никак не влияют на жизнь пахаря, идущего за плугом, или школьника, повторяющего у доски таблицу умножения. Национальная безопасность при этом не страдает, существующему порядку также ничто не угрожает. Обычно. Но Стрикленд – отнюдь не обычный человек, и его планы тоже совсем не обычны.

Он обставил как служебные помещения, так и личные апартаменты в деловом «спартанском» стиле. Размеры находящегося здесь широкого письменного стола красного дерева, привезенного из Сингапура и весящего почти столько же, как те четверо дюжих грузчиков, которые доставили его на место, так и царящий на нем порядок отражают особенности работы ума Стрикленда. Своими размерами этот стол идеально соответствует помещению, в котором стоит, и тем не менее от него исходит ощущение основательности и силы. На его столешнице, обитой зеленой тисненой кожей и обрамленной полосками золотой фольги, аккуратно расставленные, располагаются безупречно чистое пресс-папье, массивная хрустальная чернильница, три перьевых ручки и два аккуратно заточенных карандаша. Резинки для стирания здесь нет, ибо Стрикленду она не нужна. По его мнению, сделать что-либо правильно – значит выполнить все идеально, следовательно, нужды в каких-либо исправлениях не появится никогда. Слева от пресс-папье, перпендикулярно к краю стола, стоит простой черный телефон, трубку которого можно легко взять в руку, сидя в резном деревянном кресле, на которое не допускается садиться никому, кроме Стрикленда.

Стол располагается прямо напротив двери, чтобы хозяин кабинета мог лицом к лицу встретить любого, кто в него войдет. Находящееся позади стола окно и открывающийся из него великолепный вид можно увидеть, только если встать. Этим вечером постоянный личный секретарь министра иностранных дел пребывает в задумчивости. Удостоверившись в том, что шестой герцог Рэднор в самом деле мертв, он должен решить, как и когда ему надо будет устроить встречу с его преемницей. Пока не ясно, затруднит ли осуществление планов Стрикленда то, что место герцога во главе Клана Лазаря займет женщина. Стражи как раз собирались сделать ход, когда покойный герцог заболел. Но после этого любые планы были отложены. Кончина Верховного Мага изменила расклад сил, в этом нет никаких сомнений.

Размышления Стрикленда прерываются появлением письмоводителя, Илайеса Фордингбриджа. Ростом клерк не выше пяти футов четырех дюймов, но он все равно нарочно сутулится, словно боится, как бы его начальник не подумал, что он задирает нос. Он переступает порог кабинета, как всегда, бочком, будто желая занять как можно меньше пространства, хотя его место в этом мире ничтожно и так.

– Прошу простить меня за беспокойство, мистер Стрикленд, сэр, – говорит Фордингбридж, уставив глаза в пол, чтобы ни в коем случае не посмотреть начальнику прямо в глаза, – но я подумал, что вы захотите это увидеть. – И он протягивает Стрикленду вечернюю газету, аккуратно сложенную таким образом, чтобы была видна заметка в левом нижнем углу первой полосы.

Стрикленд берет у него газету и читает заголовок:

СЕГОДНЯ СОСТОЯЛИСЬ ПОХОРОНЫ

ШЕСТОГО ГЕРЦОГА РЭДНОРА

Стрикленд поджигает губы. На первый взгляд заметка не имеет особого значения. Всего лишь несколько строк, занимающих совсем небольшое место в издании одной из лондонских газет. Но он-то хорошо знает, что в действительности означает смерть герцога. Известно ему также, что это знает и Фордингбридж. И он хмурит брови и бросает газету на стол, ибо его беспокоит, достаточно ли осторожно вел себя подчиненный, чтобы скрыть то, что ему известно, от внимания других. Пожалуй, сложив газету так, чтобы выставить сообщение о смерти герцога напоказ и торопливо пройдя по коридорам с написанным на лице рвением, граничащим с перевозбуждением, письмоводитель явно не выказал понимания того, насколько осмотритель-

ность важна для успеха начальства. Стрикленд вздыхает. Ему ясно: благоразумием жалкий секретарь совершенно не обладает и его надо снова и снова муштровать.

– Где вы приобрели газету, Фордингбридж? – как всегда, тихо спрашивает он.

– В киоске перед главным входом, мистер Стрикленд.

– В киоске перед главным входом. Понятно. А сколько людей, по-вашему, наблюдало, как вы ее покупали?

– Улица была полна народу, сэр, но я не думаю, что моими действиями могли заинтересоваться. Сэр. – Письмоводитель сжимает руки перед собой, и вид у него становится все более и более смущенным.

– Вы не думаете, Фордингбридж, боюсь, в этом по большей части и заключается проблема. Полагаю, вы совсем не подумали, сколько людей могли взять на заметку ваше внимание к этому сообщению в газете, а также могли отметить про себя ту спешку, с которой вы стремились донести эту новость до моего сведения, демонстрируя тем самым, что она... представляет для меня немалый интерес. Вы хоть понимаете, куда это может нас завести, Фордингбридж?

Выражение ужаса на лице Фордингбриджа свидетельствует о том, что он отлично знает, куда это может их завести, и ему явно не хочется там оказаться.

– О, мистер Стрикленд, сэр, клянусь вам, я был осторожен, правда, – хнычет он, сжимая и разжимая руки и склоняя свое хилое тело еще больше, так что почти что кланяется начальнику.

– Однако вы были недостаточно осторожны, – говорит Стрикленд. – Вы же со мной согласны, не так ли Фордингбридж? Или же вы собираетесь стоять здесь и усугублять свое положение, ставя под сомнение мои слова?

– О! Нет, сэр, пожалуйста...

На лице Стрикленда видна скука, он насылает на клерка Заклятие Мучений. Он находит до крайности возмутительным тот факт, что ему приходится так часто напоминать прислужнику, что его ждет, если он будет пренебрегать своим долгом.

Он наблюдает за тем, как Фордингбридж сносит наложенную на него кару, и решает, что это жалкое создание хотя бы учится принимать болезненные наказания как должное. Он не вскрикивает, когда кожа на его руках начинает пузыриться, а просто таращится на нее, почти загипнотизированный зрелищем собственных мучений. Только когда невыносимая боль, вызванная копанием в плоти призрачных червей, достигает максимума, он выпускает высокий жалобный крик. Стрикленд решает, что подчиненный усвоил преподанный урок, и мысленно отменяет заклятие. Фордингбридж переводит дух и мало-помалу приходит в себя. Потом сглатывает.

– Итак? – спрашивает Стрикленд. – Разве тебе нечего мне сказать?

– Спасибо, хозяин! – лопочет клерк. – Спасибо.

Постоянный личный секретарь министра иностранных дел удовлетворенно кивает и взмахом руки отсылает письмоводителя прочь.

Глава 4

Я позволяю Уизерсу помочь мне выйти из наемного экипажа и дать извозчику указания подождать. Он, как и следует ожидать, вовсе не горит желанием задерживаться на такой опасной улочке, однако несколько лишних монет все-таки убеждают его рискнуть. Собственно говоря, место, где я попросила остановиться, находится в некотором отдалении от дома мистера Чжоу Ли. Достаточно позорно уже и то, что в возвращении моего брата домой участвует посторонний. И ему нет никакой необходимости видеть опиумную курильню. Или ее клиентуру.

Мы пробираемся по узким переулкам сквозь наваленный там и сям мусор так поспешно, как только можем. Район Блюгейт Филдз¹ явно не соответствует тому буколическому образу, который вызывает в сознании его название. Стоящие здесь ветхие покосившиеся домишки напоминают своим видом древние надгробные камни, завалившиеся от времени набок. Некоторые из них имеют несколько этажей, смотрящих на нас маленькими подслеповатыми оконцами, но большинство – это одноэтажные халупы со сделанными из подручных материалов провисшими крышами и дверьми, выходящими прямо на грязь и лужи неосвещенных улочек и проулков. По мере того как мы приближаемся к реке, на улицах становится все больше высоких зданий из потемневшего кирпича, некоторые из которых имеют целых четыре этажа. Это склады для товаров, которые привозят в Лондон по Темзе. Здесь царит такая кромешная тьма, и если бы Уизерс, исходя из уже имеющегося у него опыта, не прихватил из дома фонарь, наше продвижение вперед было бы намного более медленным и опасным. По этим улочкам бродят пьяные мужчины и женщины, шатаясь и громко бранясь. Не обращая на них внимания, я быстрым шагом иду вперед, подбирая подол плаща, чтобы он не волочился по грязи. Уизерс – мужчина крупный, и его рост, широкие плечи и решительная поступь в какой-то мере помогают нам отводить тех, кто мог бы на нас напасть. Однако я знаю: главную роль в том, что нас на нашем пути никто не беспокоит, играют духи-защитники, которым я приказала нас сопровождать. Эти духи не видны никому, кроме волшебников и волшебниц. Однако если бы в Блюгейт Филдз этой ночью очутился маг и случайно посмотрел в сторону стройной девушки в темно-зеленом плаще, сопровождаемой дюжим дворецким, он бы ясно увидел шагающих рядом со мной давно умерших воинов со шпагами наголо. Он заметил бы их шляпы с перьями и короткие с шелковой подкладкой плащи, свидетельствующие о том, что это офицеры-роялисты, павшие в войне, которая бушевала в Англии более двух веков назад. Обратил бы он внимание и на решительное и свирепое выражение лиц, говорящее об их беззаветной преданности молодой ведьме, которой они ныне служат. Обычные же люди, живущие рядом с мистером Чжоу Ли, ничего не видят. Они держатся на почтительном расстоянии от меня и Уизерса и опасаются

¹ Bluegate Fields – Поля голубых ворот (англ.).

беспокоить нас не из-за того, что они *видят*, а из-за того, что чувствуют. Ими владеет не поддающееся описанию чувство, будто между ними и отчего-то очутившейся среди них молодой дамой что-то стоит. Что-то сильное и опасное. Что-то, от чего лучше держаться подальше.

Мы будем рядом, хозяйка. Ничего не страишь.

«Благодарю вас, мои верные друзья-роялисты».

Приблизившись к хорошо знакомой нам красной двери, мы видим, что переулок возле нее запружен небольшой толпой возбужденных людей. Похоже, все они собрались вокруг свирепого вида мужчины с всклокоченной бородой и бешеными глазами. Подойдя еще ближе, я узнаю его. Я бросаю взгляд на Уизерса – по нему видно, что этот чудной субъект знаком ему не хуже, чем мне. Это не кто иной, как Ричард Мэнган, один из наиболее колоритных членов нашего ведовского клана. Он явно пьян, и позволить ему увидеть меня и заговорить со мною, пока он находится в таком состоянии, было бы весьма рискованно. Одно из правил Клана Лазаря состоит в том, что когда кто-то из его членов неожиданно встречается с другим во Внешнем мире, они ни в коем случае не должны показывать окружающим, что знакомы, если ранее не были представлены друг другу. Потому что иначе у обычных людей могли бы возникнуть неудобные вопросы. Я несколько не удивлена, увидев Мэнгана в подпитии, но меня удивляет, что он явился сюда. Неужели он, как и мой брат, пленник губительного зелья, которое предлагают в этом притоне? Я натягиваю капюшон ниже, чтобы скрыть лицо, и отодвигаюсь в тень.

Уизерс замечает:

– Для завсегдатая заведения мистера Чжоу Ли он ведет себя необычно, миледи.

– Вы правы.

В основном клиенты притона, который содержит китаец, появляются у его двери в состоянии возбуждения или глубокого отчаяния, но, независимо от обуревающих их душевных терзаний, уходят из курильни тихо. Между тем скульптора явно просят уйти отсюда против его воли, и он, не слушая уговоров своих друзей, шумно протестует.

– Слово мужчины свято! – в ярости кричит он. – Если же данному слову не желает верить даже тот, кто его знает, то чего же, спрашивается, стоит как первый из них, так и второй? – Здоровенный, похожий на медведя Мэнган шатается, размахивая руками, в одной из которых он держит пустую бутылку из-под бренди. – Я сказал, что заплачу к концу недели, но моему слову не поверили! Мне не доверяют!

Худой юноша с песочными волосами делает слабую попытку успокоить друга, но тот продолжает бушевать.

– Я не позволю заткнуть себе рот! – вопит пьяный в дугу Мэнган. – На карту поставлена моя честь! Я буду защищаться, да!

Стройная женщина с ярко-рыжими волосами, свободно ниспадающими почти до талии, кладет руку на его рукав и что-то говорит. На мгновение мне кажется, что ее слова достигли цели и он уймется, но затем Мэнган начинает с ней спорить.

Мне быстро надоедает стоять и ждать, и я обращаюсь к ближайшему из знакомцев буяна:

– Не могли бы вы попросить вашего друга дать нам пройти?

Молодой человек, похоже, удивлен, что к нему обратились с подобной просьбой. В неровном свете фонаря Уизерса я вижу, что у него необычайно красивое лицо и темные-темные глаза. Мне кажется, я видела его и раньше, но я не смогла бы сказать, где именно. Когда он отвечает, голос у него оказывается звучным, но мягким, так что его слова нелегко расслышать среди общего гвалта. Судя по выговору, он не из Лондона, а откуда-то с севера страны.

– Простите, – произносит он. – Мы делаем все возможное, чтобы уговорить его пойти с нами.

Мэнган между тем возмущается еще громче.

– Похоже, ваших стараний недостаточно.

– Боюсь, он немного пьян, – замечает молодой человек.

– Да он в стельку пьян. Вам и вашим друзьям не следовало выпускать его из дома, пока он находится в таком состоянии.

Молодой человек протестующе вскидывает голову, хотя, на мой взгляд, тот, кто имеет привычку употреблять дурман, продаваемый мистером Чжоу Ли, находится не в том положении, чтобы оправдывать буйное поведение как свое собственное, так и чужое. Однако он не успевает ничего сказать в свое оправдание, потому что в эту минуту рыжеволосая женщина, пытающаяся силой увести едва держащегося на ногах скульптора, просит его ей помочь. Пьяный Мэнган продолжает артачиться, шатаясь из стороны в сторону и шумно возмущаясь тем, что его слову не верят, но, несмотря на все его протесты, друзья силой уводят мужчину прочь по узкому переулку. Я смотрю им вслед, в очередной раз удивляясь, как, по всей видимости, образованные люди с правильной речью опускаются до подобного состояния. Я также мысленно напоминаю себе, что надо будет осторожно поговорить со скульптором, когда мы в следующий раз встретимся на собрании клана. Ведь подобное поведение со стороны его члена недопустимо.

Подойдя к красной двери, я резко стучу, и ее тотчас же отворяет миниатюрная китаянка, которая, насколько мне известно, ни разу еще не произнесла ни слова по-английски. Как я понимаю, она приходится хозяину дома родственницей, а не женой. Как только Уизерс вслед за мной переступает порог и входит внутрь, дверь за нами сразу же затворяется и запирается на щеколду. Я опять, как и ранее, стою в темноте, но на сей раз находящаяся передо мною лестница идет не вниз, а вверх, и ступеньки ее сделаны не из камня, а из дерева и сильно потерты. Дом мистера Чжоу Ли в предыдущей своей жизни служил зерновым складом. Но сейчас от тех времен остается только толстый слой пыли, лежащей вокруг и пропитывающей даже спертый воздух в лестничном проеме. На первом этаже, по всей видимости, никто не живет, а на втором, насколько я могла заметить, находятся комнаты хозяина дома и его семьи, если она, конечно, у него есть. Так что посетителям приходится взбираться на третий этаж, где расположен длинный зал с низким потолком, занимающий все пространство. Когда я вхожу в него, мне в нос ударяют тошнотворная вонь опиумного дыма и запах разгоряченных человеческих тел. Вдоль длинных стен зала тесно стоят низкие койки, некоторые задернуты занавесками, другие нет, так что спящие на них курильщики опиума выставлены на обозрение. Помещение освещено скудно, только в самом его центре с потолка свисают два масляных фонаря. Под ними, скрестив ноги, сидит мистер Чжоу Ли, его лицо цвета грецкого ореха сосредоточенно сморщено, ибо он готовит трубку с опиумом для очередного своего клиента. Китаец сидит, окруженный принадлежностями своего ремесла: небольшими блюдами и мисками, маленькой печкой и набором простых курительных трубок. Его помощница, еще одна китаянка неопределенного возраста, безмолвно подает то пакетик, то ложку, похоже, точно зная, что именно требуется старику в тот или иной момент. Когда он замечает, что к нему пришли гости, то поднимает глаза, и его лицо расплывается в ухмылке, которая на первый взгляд кажется искренней.

– А! Красивый леди! – Он легко вскакивает на свои обутые в парчовые тапочки ноги и спешит к нам, чтобы поздороваться. – Всегда удовольствие, когда красивый леди приходит в дом Чжоу Ли, – восторженно тараторит он. Я слышу, как за спиной фыркает Уизерс, не делающий никаких попыток скрыть свое презрение к хозяину курильни.

– Я получила вашу записку. – Сегодня мне особенно не хочется ввязываться в обмен любезностями и пустые разговоры со старым китайцем. – Пожалуйста, отведите меня к брату.

– Ах, мистер Фредди нехорошо. Я сказать ему: «Слишком много вина! Слишком много вина!» Но он сказать: «Пустяки, мистер Чжоу Ли» и говорить, что он похоронить отца. «Будьте добры ко мне», сказать он. Ах, очень грустно. И мистер Чжоу Ли дать ему, что он хотеть.

– И из-за вашей «доброты» ему стало плохо, – резко выдаю я. – Такую доброту легко купить, если достаточно заплатить.

Никак не реагируя на мой гнев, старик торопливо семенит в противоположный конец зала, рукой маня нас с Уизерсом за собой. Я иду вслед за китайцем, стараясь не обращать внимания на фигуры, лежащие на койках, мимо которых я прохожу. У меня такое чувство, словно, вдыхая здешний воздух, совершаю что-то дурное, делая нечто запретное со всеми этими не знакомыми мне мужчинами и женщинами. Большие окна зала, выходящие на реку, открыты, но ночь душна, и снаружи не поступает кислород, так что воздух в притоне остается ужасающе спертой. Мне приходилось уже много раз вытаскивать брата с одной из этих коек, и каждый раз, уходя из курильни, я чувствовала себя больной и осоловелой; мне кажется, что мой разум оупел, а воля истощена. Каково это – курить одну из трубок мистера Чжоу Ли? И есть ли надежда, что мне удастся вырвать брата из-под власти зелья, вызывающего такую цепкую зависимость?

Фредди лежит на низкой койке в углу зала. Вид у него такой больной, что у меня падает сердце. Всякий раз, когда я вижу его в таком состоянии, я реагирую одинаково – у меня возникает такое чувство, будто он умер. Я наклоняюсь и, схватив его за плечо, начинаю легонько трясти.

– Фредди, Фредди, это я, Лилит. Ты меня слышишь?

В ответ он тихо стонет. Я дотрагиваюсь до его лба и с ужасом чувствую, что по нему течет пот. Я беру у Уизерса фонарь и поднимаю над грязной койкой. И даже в его тусклом свете вижу, что кожа у Фредди зеленоватого оттенка, губы посинели, а пульс на виске бьется в опасно медленном ритме.

– Сколько времени он уже находится в этом состоянии? – спрашиваю я мистера Чжоу Ли.

– Мистер Чжоу Ли послать записка. Сегодня очень много клиентов.

– Сколько времени?

В ответ он только неловко пожимает плечами.

– Скорее, Уизерс, помогите мне его поднять.

Совместными усилиями мы стаскиваем Фредди с койки. Как всегда, я радуюсь тому, что Уизерс так силен. Я знаю, что он терпеть не может приходить в этот притон, но он беззаветно предан нашей семье и обожает Фредди; когда тот был ребенком, учил его карточным фокусам и даже время от времени позволял ему съезжать по рукаву для белья. Я знаю, нашему дворецкому больно видеть, что этот шаловливый мальчик превратился в такого пропащего молодого человека. Мы отвезем его домой, сделав все, чтобы мама не увидела сына в столь ужасном состоянии, и я призову на помощь самых добрых духов-целителей, чтобы они облегчали его страдания, когда воздействие на него мерзкого опийного мака начнет ослабевать. Я буду вытирать ему лоб и, в который раз глядя, как он страдает, тихо бормотать болеутоляющие заклинания и нежные слова. И буду оставаться рядом с ним, спокойная и непреклонная, в те тяжкие дни, когда он будет возвращаться к реальности.

Мистер Чжоу Ли торопливо освобождает для нас проход по залу. Лестница слишком узка, поэтому я не могу помочь Уизерсу, и ему приходится нести Фредди на руках, как грудного ребенка. У выхода я набрасываюсь на трясущего головой китайца.

– По-моему, – говорю я, – у вас нет недостатка в клиентах. Могу ли я попросить вас отказаться обслуживать моего брата, когда он пожалует к вам в следующий раз?

– Ах, красивый леди, если я сказать Фредди «нет», он пойдет в другую курильню. Может быть, в совсем плохая.

От иронии, заключенной в его рассуждениях, у меня отвисает челюсть. Мне хочется закричать на этого гнусного старикашку, заставить его признать, что своим зельем он причиняет людям вред, но печальная правда состоит в том, что он прав, и я это знаю. Если Фредди приходит сюда, мне хотя бы известно, где его искать. И я могу только молить духов, чтобы не настал тот день, когда я найду здесь только его мертвое тело.

После того как мы благополучно возвращаемся домой и Фредди крепко засыпает на кушетке, которую миссис Джессап приготовила для него в библиотеке, я поднимаюсь к себе в комнату. Вайолет не ложилась, ожидая меня, но я велю ей отправляться спать. Ночь уже на исходе, но я слишком расстроена и обеспокоена, чтобы отойти ко сну самой. Вместо этого я сажусь на стоящий перед окном диван и, прижавшись лбом к прохладному стеклу, устремляю взгляд на спящую площадь. На горизонте начинают брезжить первые проблески рассвета, но уличные фонари по-прежнему горят ярко во все еще густом мраке. Деревья в саду на площади кажутся всего лишь сгустком тьмы за чугунной оградой.

Яго, как всегда тонко чувствующий мое настроение, запрыгивает мне на колени, сворачивается в клубок и, закрыв глаза, начинает тихо мурлыкать. Я нахожу в его присутствии немалое утешение, но знаю, что мне предстоит взобраться на высокую гору, и несмотря на все уверения отца, что мне будут помогать он и члены клана, я понимаю, что на самом деле должна буду карабкаться на нее в одиночку. Порой, как я ни стараюсь, мне никак не удастся достучаться до Фредди. Мне кажется, я – это единственное, что хоть как-то привязывает его к тому хорошему, что есть в нашей жизни. Хватит ли для этого моих сил? Ему тоже приходится жить, неся на плечах бремя тайны, а ведь он так плохо подготовлен к тому, чтобы справляться с тем, что ему известно о нашем клане. Я знаю, отец боялся, что он расскажет о нем не тем людям, когда не будет контролировать ни свой разум, ни свой язык. Боялся, что он скажет такие вещи, которые потом не сможет взять назад и таким образом разрушит завесу секретности, которая защищает волшебников и волшебниц Клана Лазаря и помогает нам выполнять лежащий на нас долг. Что бы сделал отец, чтобы обуздать его, если бы он стал опасным для нас всех? Хотелось бы мне это знать. Насколько далеко он бы зашел, чтобы заставить замолчать собственного сына? И он, и другие мои наставники всегда ясно давали понять: во-первых, я ведьма и только во-вторых – дочь, сестра и даже жена. Интересы клана должны быть превыше всего. Всегда. И не важно, ценой каких личных жертв. Так неужели мне когда-нибудь придется принести Фредди в жертву ради блага клана? Смогла бы я это сделать?

И отец, и Друсилла потратили много часов, объясняя мне всю важность того, чем занимается наш клан. Друсилла даже больше отца старалась, чтобы я поняла, что поставлено на карту.

– Я понимаю опасности, которые могут возникнуть, если, приказав духу явиться, кто-то из нас не сможет с ним совладать, – сказала я ей как-то, когда мы вдвоем сидели в темной комнате. – Понимаю, есть риск, что существо, несущее зло, может вырваться из Тьмы. Но если не считать этих угроз, я не вижу, почему то, чем мы занимаемся, может быть опасно. Ведь мы просто узнаем у духов, с которыми говорим, нужные нам сведения. Они рассказывают о том, что должно произойти, и предупреждают о людях, которые могли бы причинить нам вред. Кому от этого может быть плохо? И почему другие не хотят обращаться к духам?

Друсилла вздохнула и покачала головой. То есть в темноте я, конечно, этого не увидела, но мало-помалу я привыкала беседовать с ней, не глядя на нее. Другие мои чувства были необычайно обострены: я не только услышала, как задвигалась ее голова, но и почувствовала это каким-то странным образом. Почувствовала я также, что она во мне немного разочарована. Разочарована тем, что я так и не поняла важных вещей. И все это сказало мне всего лишь легкое незримое движение ее головы. Однако, когда она заговорила снова, в ее тоне я не услышала досады, в нем звучало только искреннее желание помочь понять то, чего я еще не усвоила.

– Волшебники и волшебницы, входящие в Клан Лазаря, занимаются Простой некромантией, – снова объясняет она, – пробуждая от сна души умерших, но существуют также и те, кто избрал путь Черной некромантии. Эти волшебники являются последователями Первых Стражей, дискредитированного и распущенного колдовского клана, члены которого оживляли трупы и заставляли мертвых ходить по земле. Подобная практика уже давно объявлена вне закона, а ее adeпты подвергнуты порицанию, и им запрещено вступать в уже существующие и

образовывать новые кланы. Но честолюбие – ужасная вещь, и все волшебники слышали истории о Стражах, таинственном клане, который терпеливо наблюдает, выжидая момента, когда они смогут вызвать Великую Тайну у Клана Лазаря и снова творить свои жуткие и безнравственные дела.

– Жуткие и безнравственные? Но чего же такого ужасного они могут хотеть? – спросила я.

– Дитя мое, неужели тебе никогда не приходило в голову, как дурно можно использовать навыки, которыми мы владеем? Даже если на время оставить в стороне то отвращение, которое у всякого нормального человека вызывает бессмысленное оживление трупов, независимо от того, хотят этого умершие или нет, и жестокое обращение с ними, когда некромант держит покойника в заложниках, ибо только он знает, как поддерживать существование ожившего мертвеца... Даже если оставить все это в стороне, есть еще самый важный вопрос: как другие ведовские кланы или некроманты, не являющиеся волшебниками, могут использовать Великую Тайну?

– Но Друсилла, даже ты не знаешь, в чем она состоит.

– Да, не знаю. Ее знает только Верховный Маг или Верховная Ведьма. Так заведено именно для того, чтобы защитить тайну от таких, как Стражи. Мне нет нужды знать все, чтобы понимать, что, если подобная сила попадет в дурные руки, она будет использована во зло. Я верю духам, верю догматам клана и тому или той, кто возглавляет его. И все это говорит мне, что тот или та, кому открывается Великая Тайна, берет на себя еще более великую ответственность и что, если этой тайной завладеют злые силы, следствием этого могут стать ужасные беды.

Друсилла замолчала, ожидая ответа, и когда я ничего не сказала – ибо что я могла сказать? – добавила:

– Ты должна понять, вера очень важна. Вера не основана на знании. Она не требует доказательств. Она не требует ни фактов, ни объяснений. Ты веришь просто потому, что веришь. Мы не можем *знать*, мы можем только *верить*.

Я верю. У меня есть вера, и я буду хранить ее в молчании. Чего бы это от меня ни потребовало. Но мысленно произнося эти слова, я вдруг обнаруживаю, что меня от них отвлекает другая мысль. О чем-то неожиданном, а вернее, не о чем-то, а о ком-то. После всех неурядиц этой бурной ночи, последовавшей за непростым днем, сквозь все разноречивые заботы, которые сейчас занимают мой ум, перед моим мысленным взором встает пусть бледный, но все же достаточно явственный образ высокого сильного юноши с необычайно красивым лицом и темными-темными глазами. Я трясую головой, чтобы отогнать непрошеное видение, и ругаю себя за глупость. И то сказать, разве не нелепо вспоминать лицо незнакомца, которого я видела всего несколько мгновений и которого вряд ли встречу вновь?

* * *

Стоя в середине своих новых (и весьма обшарпанных) апартаментов, Брэм делает глубокий вдох. Сорок восемь часов, минувшие с момента его появления в доме Мэнгана, промчались в круговерти сменяющих друг друга перипетий домашней жизни скульптора, незнакомых лиц и шума, производимого многочисленными детьми. К счастью, Джейн Мэнган не разрешает детям ходить в жилище Брэма, расположенное на чердаке. Какое-то время он думал, что это говорит о ее стремлении не нарушать его личного пространства и дать ему работать без помех. Ему нравилось так думать, нравилось воображать, что остальные обитатели дома так уважают искусство, что просто не хотят его беспокоить. Но вскоре он понял, что настоящей причиной того, что детям не разрешается подниматься выше третьего этажа, – это опасность, которую представляет лестница. Она старая, запущенная, как и большая часть дома, ее дерево проедено древоточцами, и ходить по ней надо осторожно, иначе можно получить увечье. Только вчера

вечером, когда он торопливо поднимался по ней в свою мансарду и неверный свет свечи, которую он держал в руке, вдруг погас, его нога вместо того, чтобы встать на очередную ступеньку, просто провалилась в дыру до самого бедра, поскольку этой ступеньки на месте уже не было. Ему пришлось какое-то время барахтаться в полной темноте, прежде чем он наконец смог высвободить ногу, и после этого у него ужасно болит голень. Но зато ему удалось выпросить две масляные лампы у Перри, ибо тот согласился, что свечами тут не обойдешься. В дом не проведено электричество, денег на газовое освещение тоже нет, так что, как выразился Перри: «Тут каждый спасается, как может, когда речь идет об освещении. Или о тепле. Или о пище». Что, по мнению Брэма, никак не согласуется с духом коллективизма, который он ожидал здесь найти.

Однако выделенные ему апартаменты превзошли все его ожидания. Если быть осторожным, когда поднимаешься по лестнице, комната на чердаке вполне стоит затраченных усилий. Половицы здесь прогнили только в двух местах, и Брэм уже поставил и там, и там мебель, чтобы избежать беды. Однако по большей части пол достаточно крепок. Комната велика, во всю ширину дома, и имеет окна, выходящие на две стороны. Кроме обычных окон здесь между наклонными стропильными балками имеются слуховые оконца. Они невелики, но их так много, что днем на чердак проникает более чем достаточное количество света, идеальное для писания картин. В прорехи в черепице крыши тоже льется солнечный свет, а также проникает свежий воздух, которого иначе бы не хватало. По правде говоря, если бы здесь не оказалось такого количества отверстий, на чердаке в нынешнюю жару было бы невыносимо жарко и душно.

Надо будет как-то решить эту проблему до наступления зимы, иначе, когда подморозит, я превращусь в ледышку.

Он придвинул находящуюся на чердаке покрытую слоем пыли кровать к стене и, распаковав немногочисленные личные вещи и скудный гардероб, сложил их в стоящий рядом с нею высокий комод. Здесь есть также невысокий столик на козлах, на котором можно очень удобно разместить принадлежности художника, одно выдавшее виды кресло, зеркало в полный рост, умывальный столик с тазиком и кувшином, ночной горшок, небольшой жестяной поставец с дверцей из частой проволочной сетки, чтобы до провизии не добрались мыши, и вешалка для шляп. Брэму кажется, что благодаря столь скудной мебелировке мансарда дома Мэнгана прекрасно подходит для его целей. Она идеальна для размещения студии художника, а не для жилья, но именно это ему и надо. В ней царит рабочая атмосфера. Можно сказать, профессиональная. По ней сразу видно, что для него главное всего. Он ставит мольберт так, чтобы на находящийся на нем натянутый на подрамник холст и то, что он, Брэм, будет на этом холсте писать, падал свет из окон, выходящих на север, и отходит назад, к двери, чтобы полюбоваться своими новыми владениями. Нетрудно себе представить, что бы сказали о них родители. Его мать наверняка ужаснулась бы отсутствию в жилище водопровода и канализации, опасной ветхости ведущей сюда лестницы, а также общей обветшалости самого дома. А отец пришел бы в ужас от нахального поведения обитающих в доме детей, манеры Гудрун не носить корсета и того, что он, несомненно, счел бы разлагающей развращенностью семейства Мэнганов.

Глядя на загрунтованный белый холст, натянутый на стоящий на мольберте подрамник, Брэм чувствует, как его охватывает желание тотчас начать творить. До сих пор он был так занят устройством на новом месте и настолько поглощен впечатлениями от других обитателей дома, что все его попытки начать работать кончались неудачей.

Но что же писать? У меня нет ни натурищика, ни темы. Разве что...

Он торопливо подходит к своему запасу листов бумаги и достает наброски, которые сделал на кладбище. Ему тяжело видеть, насколько они несовершенны, но это все, что у него есть. Глядя на них сейчас, он ясно вспоминает настроение той сцены, резкие тени, слепящий свет солнца, линию подбородка девушки, когда она отвернулась.

И эти глаза. Когда судьба свела ее со мной во второй раз и она стояла возле двери этого заведения на Блюгейт Филдз, ее глаза сияли таким удивительным зеленым светом, а кожа казалась такой бледной...

Он кнопками прищипливает наброски к стене напротив мольберта, затем берется за тюбики с красками и выбирает палитру: жженую умбру, сырую сиену, черный краситель из ламповой сажи, белила, желтый кадмий – цвета, которые, он это знает, помогут ему передать драматичность того, что он видел во время похорон.

Если бы только я знал, кто она такая, а еще лучше, если бы она позировала мне! Но об этих похоронах наверняка сообщалось в газетах, и я мог бы поискать заметку и найти в ней ее имя. А потом встретить и ее саму. Но с какой стати ей соглашаться говорить со мной? Она наткнулась на меня у двери опиумной курильни рядом с буйствующим выпивохой. Боюсь, даже если она и запомнила меня, то едва ли у нее сложилось обо мне благоприятное мнение.

Когда он увидел молодую женщину у дома мистера Чжоу Ли, то сразу же узнал в ней ту, которую утром того же дня видел на кладбище у вырытой могилы. Ту, которую он почувствовал непреодолимое желание нарисовать. Она успела снять шляпу с черной вуалью и облачилась в плащ с капюшоном, но не узнать ее было невозможно. Неужели она посещает опиумную курильню? Не может быть, чтобы женщина, одевающаяся так элегантно, явно богатая, с правильной речью, полная такого очарования и держащая себя с таким самообладанием, в самом деле была одной из завсегдатаев подобного заведения. Это просто невозможно.

Она слишком особенная, чтобы иметь подобные привычки... Слишком... сильная, что ли.

Эта мысль сначала удивляет его, но чем больше он думает о той девушке, чем яснее видит ее своим мысленным взором, тем больше уверяется в том, что он не ошибся. В ней и впрямь чувствовалась какая-то странная, необычная сила. И в ее зеленых глазах, когда она встретила с ним взглядом, тоже было что-то необыкновенное.

Какого же они были оттенка? Голубовато-зеленого? Изумрудного? Как бы замечательно было написать их с натуры, увидеть ее здесь, в этой комнате. Мужчина мог бы полностью отказаться от собственной воли ради таких глаз.

Но в это мгновение в воспоминания о той ночи на Блюгейт Филдз врывается звук голоса жены Мэнгана, зовущего его по имени. Он подходит к двери комнаты, открывает ее и смотрит вниз, в темный лестничный проем.

– А, вот ты где. – Миссис Мэнган стоит на площадке третьего этажа, держа на бедре ребенка. По-видимому, для передвижения по темному дому ей вполне достаточно небольшого фонаря «летучая мышь», который она сейчас держит в поднятой руке. – Мы собираемся поужинать, и Мэнган спрашивает, не желаешь ли ты к нам присоединиться. Ну же, соглашайся. Правда, у нас за столом не будет никаких изысков, просто обычное рагу.

Брэм колеблется. На палитре, которую он держит в руке, поблескивают масляные краски, но он еще не наложил на холст ни единого мазка. Ему хочется отказаться и, отдавшись страсти, снова, как и прежде, с головой погрузиться в творчество. Но он живет здесь всего два дня, и Джейн так добра. Она напоминает ему мать, и он просто не может обидеть ее отказом.

– Я сейчас спущусь, – произносит он, но тут ему приходит в голову: у него нет ничего, что он мог бы внести в общий котел. Сегодня он получил приглашение поужинать с семьей Мэнгана впервые. Собственно говоря, до сих пор он даже не замечал, чтобы они собирались вместе на завтрак, обед или ужин. Дети то и дело пробегали мимо него, жуя фрукты или хлеб, но он ничего не знал о том, как питаются взрослые. Сам он купил немного хлеба и сыра, которые держит в жестяном поставце вместе с несколькими банками консервов, хотя до сих пор ему чаще всего просто не особенно хотелось есть. Было слишком жарко, к тому же он слишком занят, устраиваясь на новом месте. Так что ему хватало чая и печенья. Хорошо еще, что сейчас, когда его пригласили на ужин, ему не надо специально переодеваться.

На первом этаже царит счастливый семейный бедлам – взрослые и дети тесно сидят за кухонным столом, пес виляет хвостом и лает, требуя своей доли еды, а Джейн половником накладывает рагу, в котором слишком много моркови, в разномастные миски.

– Близнецы, – говорит она, на мгновение перестав раскладывать рагу по мискам, – будьте умницами, выведите Георга в сад. От него такой шум.

Мальчики выволакивают пса из кухни. Один из них поворачивается к Брэму и объясняет:

– Мы назвали его в честь короля!

Гудрун пожимает плечами и вставляет:

– Мэнгану нравится отдавать приказы монарху.

– Присоединяйся к нам, Брэм из Йоркшира! – восклицает Мэнган, маня его рукой. – Не мешкай на пороге, не то голодные орды сожрут твой ужин.

– В рагу все-таки есть немного мяса, – заверяет Джейн, – хотя, боюсь, кусочкам курицы в нем отнюдь не тесно.

Брэм занимает место на шатком табурете рядом с Фридомом.

Как странно они живут. Им надо кормить столько ртов, а денег на еду так мало. И все же они приняли меня, хотя я для них и обуза. Я должен доказать им: я не такой, как те, кто жил здесь до меня. Я должен пробить себе дорогу и отплатить им за доброту. И за их веру в меня.

* * *

Дневная жара еще не успела проникнуть за толстые стены дома номер один на площади Фицрой, и температура в малой гостиной достаточно комфортна. Я продолжаю сидеть здесь с мамой и после завтрака, пытаюсь уговорить ее выйти за пределы дома, но она противится даже идее погулять по Риджент-парку. Я хочу соблазнить ее предложением отправиться в розарий, но она утверждает, что сейчас уже слишком поздно для роз и что она не хочет смотреть, как они вянут и умирают. После похорон герцога она мало-помалу становится все более апатичной, и я уже начинаю бояться за ее здоровье. Хотела бы я, чтобы мое магическое искусство могло хоть как-то облегчить ее страдания, но, к сожалению, никакая магия на свете не может изгнать боль из скорбящего сердца.

Уизерс стучит в дверь гостиной и открывает ее.

– Прибыл виконт Харкорт, миледи, – объявляет он, обращаясь к маме.

– Проводите его сюда, Уизерс, – говорит мама, наконец-то проявляя хоть какой-то интерес к тому, что происходит вокруг. Похоже, мой предстоящий брак – это единственный предмет, который вызывает у нее пусть слабое, но воодушевление.

Льюис, как всегда, наполняет небольшую гостиную своими энергией и целеустремленностью. Он здоровается с нами со свойственным ему непринужденным очарованием и даже ухитряется вызвать на губах моей матушки улыбку. Но после пятнадцати минут пустой болтовни, во время которой мама только и делает, что сплетничает о том, кто на ком женится и кто за кого выходит замуж, я не выдерживаю.

– Сегодня слишком погожий день, чтобы оставаться дома, – заявляю я, вставая. – Льюис, ты не хотел бы посидеть в саду?

– Да, конечно, и надеюсь, мне удастся уговорить леди Аннабель присоединиться к нам.

Как будто матушка захочет испортить тебе такой удобный момент остаться со мною наедине. Уверена, она откажется.

– О нет. – Мама, снова превратившись в слабую и немощную вдову, бессильно откидывается на подушки дивана. – Я лучше останусь здесь, в прохладе. А вы, молодые люди, идите. Ну же, давайте, я настаиваю.

Воздух в саду все еще по-утреннему свеж, хотя солнце светит ярко, а на голубом небе нет ни облачка. На тщательно ухоженных клумбах спокойно цветут нежные белые лилии и гвоздики, но оранжевые лепестки тигровых лилий словно горят на солнце, и мне кажется, будто я слышу, как синие цветы гигантского цеанотуса, оплетающего южную стену сада, поют. Я веду Льюиса по узкой, усыпанной гравием дорожке, потом мы с ним поднимаемся по широким каменным ступеням, проходим мимо прудика, в середине которого тихо журчит фонтан, и, наконец, добираемся до мощеного уголка, где стоят стол и стулья из кованого железа. Кто-то из слуг предусмотрительно раскрыл находящийся тут зонтик от солнца, так что стол и стулья накрывает тень. Здесь на теплых камнях, нежась на солнце, растянулся Яго. Проходя мимо него, я наклоняюсь, чтобы погладить его, и мне почти кажется, что на солнцепеке раскалилась даже его блестящая шерсть.

– Глупый ты кот, – говорю я ему, – еще немного – и солнце тебя поджарит. – Я сажусь на стоящий в тени зонта стул, а Льюис устраивается рядом. Мой взгляд привлекает маленькая клумба с розами слева от стола. Мама была права, для роз и впрямь уже слишком поздно. Большинство цветков начали увядать, их лепестки скручиваются от жары. Если бы был жив отец, он отругал бы садовника за то, что тот не обрезал розы раньше. Ведь никому не хочется смотреть на смерть, пока ты пьешь лимонад. Такое может понравиться разве что некромантам. Кто кроме них способен видеть красоту в увядании?

Я бросаю взгляд на Льюиса и вижу, что он эту красоту понимает. Когда общаются два мага, между ними и вправду существуют такое понимание и такая тесная связь, которых между волшебником и неволшебником, разумеется, нет. Я знаю, Льюис хочет, чтобы я думала, будто только маг может по-настоящему понять другого мага. А виконт – очень искусный волшебник, и из него получился некромант, достойный всяческого уважения. К тому же он мой друг, а в эту минуту я, как никогда, нуждаюсь в друге.

– Знаешь, Лилит, я изумлен тем, что сижу здесь наедине с тобой, притом по твоей инициативе, – ласково произносит он, и его блестящие голубые глаза смеются. – Неужели ты собралась меня обнадежить?

– Я просто больше не могла выносить всех этих бесконечных разговоров о свадьбах.

– Да, леди Аннабель несколько заиклена на этой теме.

– После смерти отца она только и думает, как бы поскорее выдать меня замуж.

– И получает от этого такое удовольствие. Почему бы тебе не убоготворить ее? Выйди за меня до конца этого месяца и сделай свою драгоценную матушку счастливой.

– Да, Льюис, ты очаровательно выразил важную мысль.

– Я пробовал пускать в ход свое очарование, – он качает головой, – но когда речь идет о тебе, это пустая трата времени. Ты, Лили, неуязвима для всех моих попыток, словно на тебе стальная броня.

– Не могу же я согласиться на пышную свадьбу, пока наша семья носит траур.

– Но ничто не мешает нам назвать день свадьбы, объявить ее дату, разумеется, такую, которая бы стояла достаточно далеко по времени от дня похорон твоего отца. Но это все равно была бы определенная дата, зафиксированная точка во времени. Что-то, чего бы мы все могли с нетерпением ждать.

– Я действительно не могу думать о свадьбах, только не теперь. Теперь у меня появились новые обязанности. Задачи, которые я должна буду решать.

– Из тебя выйдет отличная Верховная Ведьма, я в этом уверен.

Я поспешно оглядываюсь по сторонам. Мне бывает не по себе, даже когда я говорю эти слова мысленно, не говоря уже о том, чтобы произнести их вслух там, где их могут подслушать.

Льюис берет мои руки в свои.

– Милая моя Лили, тебе не придется нести этот груз в одиночку. Я буду помогать тебе всем, чем смогу, если только ты мне позволишь. Ты должна это знать. – Он смотрит на меня с

обезоруживающей теплотой. Я думаю, что дорога ему, и интерес, который он ко мне питает, не ограничивается простым стремлением ублажить его отца. И даже простым желанием. Может быть, это и есть любовь? Может быть, он испытывает ко мне именно это чувство? Но почему же я не могу чувствовать то же самое по отношению к нему?

– Спасибо, Льюис. Я очень ценю твою дружбу. И я тоже с нетерпением жду того дня, когда мы сможем пожениться. Но сейчас на первом месте должен стоять клан. – Я улыбаюсь ему в ответ, но это сдержанная, вежливая улыбка, и он это понимает. Я высвобождаю руки из его цепких лап. – Ты придешь на церемонию посвящения? – спрашиваю я.

– Разумеется. Ты нервничаешь?

– Из-за церемонии? Нет. Из-за того, что теперь роль, которую так хорошо исполнял мой отец, придется играть мне? Я бы солгала, если бы сказала, что эта новая жизнь совсем меня не пугает.

– Ты будешь великолепной Верховной Ведьмой. И мудрой.

Я качаю головой. Льюис весело улыбается.

– Ты же дала согласие выйти за меня замуж, – замечает он. – Это было самое убедительное проявление мудрости, которое я когда-либо видел.

На этот раз я улыбаюсь ему значительно теплее.

– Мне понадобится друг, Льюис.

– У тебя уже есть друг, и он сейчас рядом с тобой. Я всегда буду твоим рыцарем.

Я собираюсь добавить кое-что к тому, что уже сказала, но тут меня отвлекает от нашей беседы шепот, быстро перерастающий в крик. Этот крик так неожидан и громок, что он ошеломляет меня и заглушает все остальные звуки. Он становится все громче, все настойчивее. И я узнаю отдающиеся гулким эхом, доносящиеся словно издалека пронзительные звуки голоса мертвеца. Само собой, я привыкла слушать голоса мертвых, но этот голос совсем не таков, как голоса других усопших. Он не принадлежит никому из знакомых мне духов, которые за столько лет давно уже превратились в моих друзей. И я никогда не призывала этот дух и не приказывала ему явиться. Голос, который я сейчас слышу, принадлежит очень встревоженному духу, который кричит, настойчиво требуя моего внимания, что вызывает у меня немалое беспокойство. По мере того как я начинаю разбирать слова, мне становится ясно: это тот же самый дух, который непрошено вторгся в мои мысли на похоронах отца. Он произносит, нет, не произносит, а *выкрикивает* мое имя снова и снова, и его голос так оглушительно гремит в моем мозгу, что я, вскрикнув, затыкаю руками уши в тщетной попытке отгородиться от него.

– Лилит! – Льюис явно обеспокоен. – Что с тобой? Скажи мне, что случилось?

Я трясую головой как для того, чтобы избавиться от настойчивого голоса, так и для того, чтобы дать понять Льюису: я не могу говорить. Мозг переполняет повторяемый звук собственного имени, которое все громче и громче вопит незванный дух. Меня никогда еще так не атаковали.

– Перестань! Перестань! – кричу я.

Льюис становится передо мной на колени и накрывает мои руки своими, не понимая, как может мне помочь, но желая хоть как-то облегчить мои мучения.

Но он ничего не может сделать. Внезапно вопли прекращаются. Остается только звучащее в мозгу гудящее эхо. Я смотрю в глаза Льюиса, который обеспокоенно вглядывается в мое лицо в поисках ответов.

– Все в порядке, – говорю я ему, хотя, по правде, меня все еще трясет. – Я слышала голос, голос духа, очень громкий, очень... властный.

– Но ты его не призывала?

– Нет, не призывала. – Я по-прежнему не могу понять, что со мной только что произошло, но то, что мне сейчас таким ошеломительным способом дал понять незванный дух, более чем ясно. Я ведьма, искусная в некромантии, волшебница, приказывающая мертвецам явиться,

чтобы помочь мне, когда этого желаю я. Но на этот раз все наоборот – меня настойчиво и властно зовет мертвец. И я не могу отказать!

Глава 5

Брэму довелось бывать в мастерских нескольких художников, некоторые из них принадлежали живописцам, в других работали скульпторы, но он никогда в жизни не видел ничего похожего на студию Мэнгана. Должно быть, вначале на ее месте были две большие комнаты, находящиеся в задней части дома, но затем разделявшую их стену, а также двери и противоположную стену второй комнаты сломали – так получилось что-то похожее на ветхий зимний сад.

– Свет! Свет, мой юный друг, – объясняет Мэнган, широким взмахом руки обводя разрушения, произведенные им в старом доме. – Художник не может работать без света. Искусство не может рождаться в темноте. Какое значение имеют комфорт, условности и имущество по сравнению с ценностью творчества? Все должно быть подчинено требованиям искусства. И тут не может быть никаких полумер.

Этот человек способен только на крайности, – думает Брэм. – Его художественные воззрения, его политические взгляды, его личная жизнь, даже то, как он двигается и говорит, – все это он доводит до крайности. Так стоит ли удивляться тому, что его работы так необычны? Но где здесь первопричина? Он ли определяет характер своих произведений или, наоборот, характер творчества определяет его натуру? Если я долго проживу рядом с ним, не стану ли я тоже человеком крайностей? Не усилит ли мое пребывание в его обществе и без того свойственную мне одержимость искусством, так что оно меня поглотит, как поглотило его? Я и сейчас уже очень к этому близок. Станут ли мои картины от этого лучше или же я просто превращусь в еще менее уравновешенного человека?

Мэнган ваяет скульптуры из камня. На скрипучих, прогибающихся под их весом половицах расставлены огромные глыбы светлого известняка, добытого в каменоломнях под Портлендом. Сквозь щели между половицами видны толстые подпорки, поддерживающие пол студии, чтобы камни не провалились в подвал. Двух кусков известняка резец скульптора еще не касался, на третьем видны сколы и борозды, свидетельствующие о том, что работа над ним была недавно начата. Еще одна глыба уже грубо обтесана, и понятно, что это будет фигура полулежащей женщины. На том конце студии, где сломана наружная стена, находится несколько меньших по размеру скульптур разной степени готовности, все в стиле Мэнгана, который не спутаешь ни с каким другим, – угловатом, мощном, с гранями, от которых отражается свет, и выемками, в которых затаились загадочные тени. Пока Мэнган с удовольствием демонстрирует новому протеже свои работы, Перри усердно работает, готовя камень и затачивая инструменты в одном из темных углов студии. Глядя на Брэма, он улыбается ободряющей улыбкой.

Когда же он работает над своими собственными произведениями? Хотел бы я это знать. Неужели все здесь находится под таким влиянием Мэнгана, что невольно... полностью поглощаются им самим и его искусством? Нельзя позволить, чтобы так случилось и со мной. Надо быть начеку.

Брэм все еще чувствует себя утомленным от недостатка сна. После ужина с семейством Мэнгана он удалился к себе и на новом месте начал работать над своей первой картиной. Он приступил к работе, полный радужных надежд, нанося краски на холст смело, уверенно и радостно. Но часы текли один за другим, а между тем образ, который он хотел передать, все ускользал. То, что он видел на холсте, и близко не подходило к тому, что он стремился изобразить. Раздраженный, он намочил тряпку скипидаром и стер неудавшуюся картину. Затем перевел дух, заставил себя успокоиться и начал все сначала. Еще два часа миновали в попытках написать на основе набросков полноценную картину, передав энергию и драматичность сцены, которую он помнил. Но все его усилия были тщетны. Он продолжал работать до самой ночи. Снова и снова смывая краски и начиная все заново. Каждый раз нанося мазки все с тем же упорством, но со все убывающей верой в собственный талант.

Сегодня он снова должен начать все сызнова. И возродить в себе веру в свои силы. Он делает шаг и дотрагивается до одной из скульптур Мэнгана. Поверхность камня кажется ему удивительно теплой. Отняв от нее руку, он видит, что его ладонь покрыта тонким слоем пыли. Пленка такой же пыли покрывает в студии Мэнгана все и всех.

– Итак, Брэм из Йоркшира. – Мэнган подходит к нему и мгновение стоит на удивление неподвижно. – Что ты думаешь о моих работах?

– Что о них думаю я? – Брэм ошеломлен. Рядом с ним стоит гений, он здесь, чтобы учиться у признанного мастера, и вдруг этот великий человек просит его, неопытного и никому не известного живописца, высказать мнение о своей работе.

– И говори без околичностей. – Мэнган опять быстро ходит по студии, время от времени беря в руки то резец, то молоток. – Я окружаю себя художниками, потому что мне хочется, чтобы со мной не соглашались, чтобы мое творчество подвергали испытаниям. Ну же, набросься на меня с критическими замечаниями. Осыпь жуткими насмешками. Но уверяю тебя – какие бы раны ты мне ни нанес, они только укрепят мою решимость. – Он устремляет на Брэма пристальный взгляд, требуя от него честного ответа.

– Ну, я...

– Давай, говори!

Брэм смотрит на стоящую перед ним скульптуру. В камне можно явственно разглядеть женскую фигуру, но то, что веками почиталось за норму, здесь утрировано, искажено, доведено до пределов. Части фигуры кажутся изваянными идеально: например, чувственный изгиб плеча, переходящий в верхнюю часть руки, но вдруг рука снова переходит в необработанный камень, как будто исходный материал не хочет полностью выпустить ее из своих глубин. Лицо статуи лишено черт, однако линия подбородка и широкий бледный лоб изваяны искусно и с любовью.

– Я думаю... я думаю, эта статуя совершенно необыкновенна, – произносит он наконец, касаясь ладонью колена скульптуры. – Она до умопомрачения смела и современна...

– Да, да, да, именно это уже много лет говорят о моих работах критики. Но как это произведение действует на тебя? Ты сам художник – так какие же *чувства* оно в тебе вызывает?

Брэму еще никогда не задавали подобных вопросов. Когда он был охвачен смятением, его мать, вероятно, об этом догадывалась, но она вовсе не ожидала, что он будет об этом говорить. А его отец вообще не придавал значения никаким чувствам.

Его работы пугают меня. Я нахожу их обескураживающими. Но как я могу ему это сказать? И почему они вызывают во мне такие чувства? Наверное, это как-то связано с испытываемым мною страхом перед моим неудержимым желанием творить и боязнью, что со временем это сделает меня таким же необузданным и сумасбродным, как и он сам. Впрочем, что с того? Интересно, чем бы я мог пожертвовать ради искусства?

– Оно вызывает у меня чувство... собственной незначительности, – признается Брэм.

Он сразу же понимает, что Мэнган разочарован таким ответом. Скульптор вздыхает и отворачивается:

– Ладно, не важно. Ты здесь человек новый. Наверное, с моей стороны было неучтиво...

Чего же он от меня ждал? Что хотел услышать? Да нет же, я веду себя глупо, если ищу одобрения. Наверняка путь к его уважению лежит через мои работы.

– Надеюсь, вы будете предельно откровенны, когда станете оценивать мое творчество.

– Так ты уже начал работать? – спрашивает Мэнган. – У тебя есть что мне показать?

– Только несколько набросков. – Брэма охватывает паника при мысли, что ему надо показать Мэнгану бесформенный неоконченный эскиз, единственное, что осталось от его бесплодных попыток написать картину на основе зарисовок, которые он сделал на похоронах. – Я надеялся показать вам уже завершённую работу. Собственно говоря, – добавляет он более жизнерадостным тоном, – на мольберте уже ждет натянутый на подрамник и загрунтованный холст. Я собираюсь начать работать сегодня же.

– Отлично! И кого же ты будешь писать?

– Я... – Брэм знает, что великого Мэнгана удовлетворит только работа с натуры. Ему приходит в голову счастливая мысль. – Я надеялся попросить Гудрун попозировать для меня.

– Гудрун? Боюсь, это невозможно. Она отвела сына к стоматологу.

– Ааа!

Теперь я чувствую себя смешным. Художник-портретист, которому не с кого писать.

– Я бы посоветовал тебе отправиться в наш вечно бурлящий город, дружок. Походи среди людей. И ты непременно найдешь кого-нибудь, кто тебя тронет.

– Вы так думаете?

– Я в этом нисколько не сомневаюсь. Настоящий художник – а именно им я намерен тебя считать, Брэм из Йоркшира, если только ты не докажешь обратного, чего, как я надеюсь, никогда не случится, – так вот, настоящий художник видит не так, как другие смертные. Ты непременно отыщешь жемчужины среди щебня. Кто-нибудь, кого ты увидишь, с тобой заговорит. – Он замолкает, затем, пожав плечами, добавляет: – Возможно, на поиски музыки уйдет немного больше времени.

А может быть, я ее уже нашел. Нашел и снова потерял, и все за один и тот же день. Я разыщу ее, эту красавицу, от которой исходит ощущение странной силы. Я ее разыщу. Я должен это сделать.

* * *

К моему сожалению, ночь, когда я должна занять место главы клана, оказывается необычайно жаркой и влажной. Я ничего не могу с собой поделать и все время беспокойно ерзаю, пока Вайолет занимается моей прической и макияжем. Этой ночью я должна выглядеть наилучшим образом. Изящной, ухоженной, безмятежно спокойной и, если возможно, старше, чем в свой двадцать один год. Я чувствую себя безнадежно юной и совершенно не достойной звания, которое вот-вот получу. Мне на колени прыгает Яго и успокаивающе мурлыкает, но даже прикосновение к его шелковистой шерсти не может унять мои расшатавшиеся нервы.

– Легко тебе оставаться спокойным, – говорю я ему. – Тебе ничего не нужно будет делать, только наблюдать.

– А он будет допущен на церемонию, миледи? – спрашивает Вайолет, тщательно закалывая мои волосы спереди. До этого она вымыла их и ополоснула водой с лимонным соком, так что теперь они красиво блестят.

– Конечно, будет. Какой смысл быть Верховной Ведьмой, если не можешь принимать такие важные решения? – Эта шутка не очень смешна, но она все же немного разряжает напряженность момента.

– Повязать ему на шею ленту?

– Думаю, он бы этого не потерпел. – Я чешу кота за ухом, и он мурлычет еще громче.

А вот у меня нет выбора в отношении того, что надеть – я должна облачиться строго определенным образом. Обычай Клана Лазаря велит, чтобы та, кто принимает на себя обязанности Верховной Ведьмы, была одета просто и скромно. Я выбрала для церемонии кремовую полотняную сорочку без рукавов, которая скромно скрывает не очень заметные округлости моего тела и доходит мне до лодыжек. Благодаря ее прямому силуэту я кажусь в ней еще выше. В ее боковых швах есть разрезы, доходящие до колен, что позволит мне легко ходить и, что важнее, опускаться на колени. В этой рубашке я чувствую себя пугающе незащищенной, на мне нет ни корсета, ни нижнего белья, и только тонкий слой материи будет отделять меня от многочисленного собрания людей, каждый из которых будет разглядывать меня критически. Однако надо быть благодарной и за это. Всего сто лет назад я должна была бы явиться на церемонию голой. Слава богу, подобное унижение мне все-таки не грозит. Но я все равно буду чувствовать себя очень уязвимой.

Мне известно, что кое-кто из членов клана неодобрительно относится к тому, что я стану главой. Это естественно, среди такого множества влиятельных людей неизбежно будут те, кто с этим не согласен. Но я также знаю, что большинство считает, что место Верховной Ведьмы принадлежит мне по праву. В Клане Лазаря власть всегда передавалась по наследству. Когда-нибудь она перейдет от меня к моей старшей дочери или сыну. Это если я когда-нибудь найду, за кого выйти замуж. На мне нет никаких украшений, и во время церемонии я должна буду оставаться босой. Если не считать заколок, которые не дают моей шевелюре падать на лицо, мои волосы сейчас распущены и ниспадают свободно. Невольно я вспоминаю свое посвящение в члены клана. Мне было всего тринадцать лет, когда я впервые была представлена волшебникам и волшебницам, и тогда я была одета и причесана примерно так же. Правда, в тот раз в святилище присутствовали только мой отец, Вайолет и несколько членов клана, и только они видели и слышали, как я приношу обеты. Тогда никто из них не ожидал, что я займу место Верховной Ведьмы так скоро. Все они тогда смотрели бы на меня совсем иначе, если бы знали, что моему отцу осталось ходить по этой земле всего восемь лет.

Взглянув на золотые часы, стоящие на каминной полке, я вижу, что уже наступила полночь, время, когда волшебники Клана Лазаря бывают наиболее сильны, поэтому все важные мероприятия в жизни клана происходят именно в этот час. Члены клана уже собрались в потайном зале, находящемся под домом номер один на площади Фицрой. Они сейчас переговариваются приглушенными голосами, и царящее в святилище напряжение все нарастает, пока они ожидают, когда им явится их новая Верховная Ведьма. Я могу предстать перед ними только после того, как минует полчаса после высшей точки ночи. Только тогда настанет час, когда в святилище может явиться преемник или преемница Верховного Мага, который ныне обитает в Царстве Ночи.

Минуты текут медленно. Я закрываю глаза и заставляю себя успокоиться, произнося заклинание, дающее силу. Его древние слова хорошо мне знакомы, за столько лет прилежной учебы я выучила их назубок, и сейчас их причудливые звуки действуют на меня ободряюще. Я готовилась к этой ночи так долго. Меня к ней готовил отец. И я его не подведу.

Неужели ты и впрямь считаешь себя достойной того звания, которое носил твой отец?

«Кто это? Кто вторгается в мои мысли без приглашения?»

Я так потрясена, что именно в эту ночь я снова слышу голос незваного духа, что меня пробирает ледяная дрожь. Я успокаиваю ум и утихомирываю мысли. Если по мне и видно, что мне не по себе, Вайолет, к счастью, этого не замечает.

Напрасно ты веришь в силу заклинаний и молений, Дочь Ночи, ибо это всего лишь пыльные слова и письмена. Ты играешь с силами, все могущество которых ты даже не можешь себе представить.

«Оставь меня! Я не стану говорить с тем, кто так нагло вторгается в мои мысли. И кто так труслив, что не называет своего имени».

Дух смеется, невесело и гортанно. Я трясую головой и открываю глаза. Яго спрыгивает с колен, сворачивается вокруг моих лодыжек, и его шерсть щекочет мою кожу. Он громко мяукает, чувствуя, что со мною что-то не так. К счастью, дух замолкает. Я тпцусь избавиться от мысли, что он все еще здесь. Что он останется со мной и во время церемонии. Интересно, как часто он подслушивает мои мысли? Неужели он находится рядом со мной всегда?

Подняв глаза, я вздрагиваю, ибо вижу, что Вайолет уже надела маску и плащ. Разумеется, я знала, что на предстоящей церемонии все будут в масках. Все, кроме меня. И все равно я испытываю шок, видя, что моя доверенная подруга и служанка закрыла лицо маской здесь, в моей спальне. Ношение масок считается необходимым, поскольку клан должен держать свое существование в секрете. Ибо мы храним тайну, тайну настолько ужасную, что ее сохранение важнее, чем любая человеческая жизнь. Я заставляю себя сосредоточиться на том, что я должна сделать, не давая себе отвлекаться на то, чтобы прислушиваться, не вернулся ли дух, который преследует меня.

– Миледи. – Голос Вайолет искажен маской, ибо маски волшебников и волшебниц клана специально сделаны так, чтобы голоса тех, кто скрывает под ними свои лица, невозможно было узнать. – Нам пора.

– Уизерс принял меры, чтобы никто не увидел, как мы покидаем дом? – Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из слуг заметил, как мы двое в таких странных нарядах проходим по лужайкам сада и исчезаем в летнем павильоне.

– Во время ужина он угостил слуг вином, миледи. Крепким вином. Сейчас они все уже спят.

Как и мама с Фредди, которые тоже выпили вина, хотя действие его в их бокалах я еще усилила сонным заклятьем.

Не взяв с собою ни лампы, ни фонаря, полагаясь только на свет луны, мы с Вайолет выходим из дома в заднюю часть сада. Яго бесшумно идет рядом. Когда мы доходим до каменной винтовой лестницы, круто уходящей вниз, я говорю «Свет!», и факелы на стенах вспыхивают ярким пламенем. Снизу до нас доносится приглушенный гул голосов, а обычно прохладный воздух подземелья сегодня неприятно нагрет теплом тел людей в парадных одеждах. Вернее, не людей, а волшебников и волшебниц. Столько чародейства, столько искусства магии сосредоточилось здесь в эту ночь. И все ради меня.

Когда мы доходим до прихожей, я останавливаюсь и три раза делаю глубокий вдох и выдох. Нельзя показывать, что я нервничаю. Только не сейчас. Высокие распашные двери, украшенные огромной сверкающей в свете факелов стрекозой Монтгомери, закрыты и ждут. Как и велит обычай, я стою неподвижно и молча, используя только свою волю и магическое искусство, чтобы дать членам клана знать – я уже здесь. Наконец шум в зале, что находится за дверьми, затихает; становятся слышны приближающиеся шаги. Раздается резкий скрежет поворачиваемого в замке ключа и дверной ручки, и двери медленно отворяются. На пороге стоит плотный волшебник, облаченный в парчовую, украшенную изящной вышивкой, красно-оранжевую мантию, свободно ниспадающую с его широких плеч. Он тяжело опирается на старинный дубовый посох, который держит в левой руке. Как бы маска ни искажала его голос и ни скрывала его лица, невозможно не узнать дородную фигуру и подагрическую походку лорда Граймса, Хранителя Чаши, верного друга покойного герцога и искусного некроманта. Его вид немного успокаивает меня. Я знаю, что могу рассчитывать на его безоговорочную поддержку как сегодня, так и в будущем. Он отвечает мне низкий, хотя и заметно неловкий поклон, затем отходит в сторону и взмахом руки приглашает меня войти в зал.

– Добро пожаловать, дитя мое, – говорит он.

Я прохожу в зал, слыша, как громко колотится мое сердце, зная, что вслед за мной вошла Вайолет и заняла среди собравшихся свое место. Рядом со мной мелькает что-то черное, это в зал проскользнул Яго. В Большом зале потолок выше, чем в подzemелье, которое находится за стеной. Его свод походил бы на свод пещеры, если бы не был так искусно украшен. Кирпичи и камни, из которых он сложен, покрыты слоем штукатурки, выкрашенным берлинской лазурью, придающей своду зала светло-синий цвет, который отличает небо в Скандинавии, когда приходит лето и наступают белые ночи. Места, где перекрещиваются поддерживающие потолок балки, украшены резными фигурками, изображающими магические символы семей, входящих в клан: стрекоза Монтгомери, гадюка Харкуртов, сова Граймсов и так далее.

Я еще никогда не видела, чтобы зал был так полон народа. Вдоль стен стоят облаченные в мантии фигуры, образуя множество длинных рядов. Сегодня ночью здесь собралось столько волшебников и волшебниц, что украшающей деревянные панели стен прихотливой резьбы почти не видно. Молчание, в котором они все глядят на меня, угнетает, но я этого ожидала. Умение хранить тайну и молчание. Как хорошо мы все усвоили эти принципы. Они так вошли у нас в привычку, что люди из Внешнего мира часто считают нас холодными и замкнутыми. Хотя собравшихся нынче так много, что люди заняли почти все пространство зала, все они уважают границы священного круга, расположенного в его центре, и толпа держится от них на почтительном расстоянии. Подойдя к внешнему ободу круга, я останавливаюсь.

Насколько я знаю, многие ведовские кланы используют в качестве священного пространства пятиугольник, но Клан Лазаря всегда предпочитал круг, ибо он символизирует продолжение, жизнь без конца. Его внешний обод состоит из чистого золота – листы золотой фольги кропотливо крепили к каменному полу слой за слоем, пока получившийся обод не заискрился и не засиял, драгоценный и великолепный, знаменуя собой границу, за которую никому не дозволяется заходить без определенной цели и если тебя не пригласили войти. За ободом, сделанным из золота, следует широкая полоса серебра, олицетворяющая собой красоту ночи и влияние луны на процесс волшебства. Главная же часть круга, имеющая диаметр в добрых двадцать шагов, разделена пополам, и верхнюю половину занимает изображение солнца на безоблачном синем небе, а нижнюю – изображение луны и звезд, сияющих во тьме ночи. Эти две половинки разделяет извилистая красная река, которую мы называем Рубикон. Клан принял этот символ через несколько веков после своего возникновения, в то время, когда его члены искали образ, который символизировал бы тонкую, но принципиальную грань между днем и ночью. Между жизнью и смертью. Древняя римская река, у которой наш Рубикон украл свое имя, была красной из-за земли, по которой она протекала. Темно-красному же пигменту на полу зала нашего святилища, пигменту, который регулярно и в торжественной обстановке обновляют и пополняют, цвет придает кровь.

Хранитель Чаши проходит мимо меня и занимает свое место у высокого алтаря. На покрывающей алтарь серебряной парче расставлены магические инструменты и церемониальные принадлежности, наиболее заметной из которых является драгоценная золотая чаша. Здесь же возвышается прекрасная статуя Гекаты, царицы волшебников и волшебниц и нашей хранительницы, опекающей нас, когда мы занимаемся магией. Хранитель Чаши три раза ударяет посохом о каменный пол, и глухие звуки этих ударов эхом отдаются от высокого потолка.

– Мы явились сюда, дабы стать свидетелями обряда посвящения. Юная волшебница стоит перед нами, открытая нашим взорам. Скажи нам, как тебя зовут?

– Леди Лилит Монтгомери, дочь его светлости лорда Роберта Монтгомери, шестого герцога Рэднора, – отвечаю я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

– По какому праву ты претендуешь на место Верховной Ведьмы?

– По праву текущей во мне крови, ибо я старшая из детей предыдущего Верховного Мага, имя коего в клане было Сияющая Звезда.

– А каково будет твое имя в клане, дочь Сияющей Звезды?

Я колеблюсь. До сих пор я в силу своей молодости не имела «волшебного» имени и посему пользовалась тем, что получила при рождении, но для Верховной Ведьмы оно не годится. Глава Клана Лазаря должен иметь имя, которым его будут называть, и это имя имеет большое значение. После смерти отца я долго и мучительно выбирала себе клановое имя, потратив на это много бессонных ночей. Клановое имя должно что-то означать, показывать сильную сторону волшебника, которую он считает важной. Совершенно необходимо, чтобы Верховному Магу или Верховной Ведьме имя подходило, ибо иначе его не будут уважать. *Меня* не будут уважать. Я гордо поднимаю голову и, придав голосу звонкость, произношу:

– Я буду Утренней Звездой.

Толпа делает шумный вдох, похожий на шокированное «ах!» оскорбленного великана. Такая реакция мне понятна.

Хранитель Чаши чувствует себя обязанным задать мне вопрос по поводу моего выбора.

– Почему ты избрала такое имя? – спрашивает он. – Тебе, дитя, наверняка известно, что подобное решение вызовет споры. Объясни же его.

Я медленно поворачиваюсь на месте, чтобы мой ответ был обращен ко всем, кто здесь собрался. Я должна показать им, что никого не боюсь.

– Я знаю, среди вас есть те, кто считает, что это имя ассоциируется с Люцифером, а стало быть, является меткой дьявола. Но для меня оно обозначает звезду, которая достаточно ярка, чтобы светить и днем. Звезду, связывающую ночь с днем, ибо она видна и в ночное время, и в дневное. На мой взгляд, это идеальный вариант для меня – человека моего положения. Верховная Ведьма, стоящая, как ей и положено, между жизнью и смертью, держа за руку живых и одновременно общаясь с мертвыми, это имя будет нести с честью. Какое имя могло бы лучше определить мою роль? Это имя напоминает еще и о том, кто пал из света во тьму, оно может служить также и предостережением другим. Предостережением: гордыня и честолюбие только навредят клану.

Собравшиеся волшебники и волшебницы перешептываются, и постепенно гул достигает такой силы, что Хранитель Чаши вынужден снова ударить своим посохом об пол, чтобы восстановить тишину и порядок.

– Выбор кланового имени – это исключительное право претендента или претендентки, – напоминает он несогласным. – Итак, продолжим. Претендентка должна вступить в священный круг.

В зале вновь становится тихо, и я прохожу вперед, шагая с куда большей уверенностью, чем та, которую я сейчас чувствую. Уголком глаза я замечаю Яго, сидящего подле алтаря и внимательно наблюдающего за каждым моим шагом. Я посылаю ему мысленную команду не подходить ко мне; остальные и так едва терпят его присутствие в зале святилища. Если он вдруг войдет в круг, за подобное проявление неуважения к собравшимся его наверняка вышвырнут вон. А его присутствие успокаивает меня. Его вид напоминает мне о том, что мой отец в меня верит.

Из толпы выходит ведьма и становится рядом с Хранителем Чаши. Чистым высоким голосом она запевает сладостную песнь, обращенную к духам. Когда она доходит до конца первого куплета, к ее голосу присоединяются и необычно искаженные масками голоса остальных. Они просят духов отнестись благосклонно к их потенциальному новому вождю. Мне не позволено петь вместе со всеми, но музыка придает мне смелости и напоминает: я не одинока, среди присутствующих есть много таких, кто меня поддержит. Когда песнопение заканчивается, Хранитель Чаши просит одну из волшебниц, еще не достигших совершеннолетия, шесть раз ударить в тяжелый латунный гонг, висящий у алтаря, дабы ознаменовать начало часа вопрошания.

Сейчас меня начнут испытывать. Но я к этому готова. На протяжении следующих шестидесяти минут присутствующим волшебникам и волшебницам будет разрешено задавать мне вопросы, касающиеся всех сторон руководства кланом. Меня спрашивают о тонкостях священ-

ных законов, обрядов, заклинаний и прочих аспектов ведовства. Я должна объяснить, в чем я вижу роль Верховной Ведьмы и чего я надеюсь достичь. Формулирование ответов на все эти вопросы – это утомительный процесс, и под конец я чувствую усталость и облегчение от того, что он наконец завершился.

Звучит еще один удар в гонг, что знаменует собой конец часа вопрошания. Хранитель Чаши медленно кивает мне, и хотя сейчас я не вижу его лица, я уверена, он улыбается, довольный тем, как я выдержала испытание. Теперь осталось только выполнить несколько формальностей, после чего он сможет признать меня Верховной Ведьмой.

– Если кто-нибудь из присутствующих желает заявить отвод претендентке, поставив под сомнение ее пригодность для руководства Кланом Лазаря, пусть выскажет свои сомнения сейчас или оставит их при себе навсегда.

– Я заявляю отвод!

Раздаются возгласы изумления, и все поворачиваются, чтобы посмотреть на того, кто это сказал. Хранитель Чаши тяжело опирается на посох, его голос звучит нетвердо, он произносит:

– От кого исходит отвод? Выйди вперед! Покажись!

Я вижу, как те, кто стоит слева от алтаря, подаются в стороны, и вперед выходит стройный волшебник, облаченный в темно-фиолетовую бархатную мантию, ничем не украшенную, но имеющую красивый покррой.

Я чувствую, как участился мой пульс. Мне никогда еще не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь отказывал претенденту на место главы клана во время церемонии принятия полномочий. Вопрос о возможном отводе – это дань традиции, формальность. Сомневаюсь, что хоть кто-то из присутствующих когда-либо слышал, чтобы член клана в самом деле поступил так подло.

– Я требую, чтобы тот, кто хочет дать мне отвод, назвал себя!

Волшебник в фиолетовой мантии качает головой.

– Я не обязан говорить, кто я. Мое право на анонимность защищено нашими обычаями, и никто не может лишить меня его просто потому, что я ставлю под сомнение твою пригодность. Скажи, Хранитель Чаши, разве я не прав?

Я пытаюсь представить себе, как звучал бы голос этого волшебника без искажающей маски. Знаком ли он мне? Знаю ли я этого человека? Наш клан так велик, что даже я не знаю всех, кто в нем состоит, а между тем вполне может статься, что тот, кто бросил мне вызов, хорошо мне известен. И все же я никак не могу догадаться, кто это.

– Да, тот, кто заявляет отвод, имеет право скрыть свое имя, – подтверждает Хранитель Чаши, и в его голосе слышится напряжение.

– Трус! – кричит кто-то из задних рядов. – При всех поставив под сомнение пригодность претендентки и при этом прятать лицо под маской – дикость. Тот, кто заявляет отвод, должен иметь смелость раскрыть себя!

В зале раздается ропот согласия, но волшебник, заявивший отвод, только отвешивает тому, кто бросил ему вызов, легкий поклон.

– Прости, брат-волшебник, – издевательски произносит он, – но я предпочитаю выступить анонимно. По-моему, так честнее и куда эффективнее.

Почему? Почему он бросил мне вызов? Надо непременно узнать, кто он.

– Ты должен назвать причину отвода, – произносит Хранитель Чаши.

– Да, назови ее! – требует ведьма в мантии серо-зеленого цвета. Ее стройная фигура и прямая осанка так хорошо мне знакомы, что у меня нет ни малейшего сомнения в том, что это Друсилла. – Леди Лилит – законная преемница своего отца. На каком основании ты сомневаешься в ней?

Раздаются крики: «Верно!», «Стыдись!» и «Назови причину!».

Волшебник, заявивший отвод, поднимает руки.

– Брат претендентки, седьмой герцог Рэднор, питает пристрастие к опиуму.

– Ну и что с того? – возбужденно кричит ведьма, стоящая в самом заднем ряду. – Она не несет ответственности за слабости брата.

– Согласен, не несет. Но если у одного из членов семьи есть опасная слабость, разве не справедливо предположить, что ей может быть подвержен и другой?

Друсилла снова берет слово:

– Пристрастие к маковому молочку не передается по наследству. Отец претендентки, да хранят его духи, не страдал от подобного.

– Может быть, и так, – говорит волшебник в фиолетовой мантии, явно несколько не испугавшись резких слов, – но претендентка очень молода, и кто может сказать, как в будущем изменится ее характер и какие его недостатки, пока еще скрытые, могут проявиться? Ее брат не просто понемножку пьет маковое молочко, чтобы облегчить недомогание, нет, он часто посещает известный притон, заведение, куда люди ходят для того, чтобы терять рассудок. Если он будет и дальше продолжать в том же духе, это навсегда ослабит его разум. Сестра, несомненно, предана ему – как-никак он герцог. И кто знает, как быстро из-за своей слабости он подвергнет опасности членов своей семьи и сделает их уязвимыми? А уязвимые люди, пытаясь защитить себя, порой идут на безрассудства. Например, их можно шантажировать. Подумайте сами: если человек, подверженный столь пагубной страсти, будет находиться в такой близости к главе клана, как долго придется ждать беды?

Взоры присутствующих снова устремляются на меня. Я стараюсь говорить так спокойно, как только могу. Как же подобное могло случиться?

– Это правда, мой брат – человек неуравновешенный и время от времени он курит опиум.

– Время от времени? По-моему, ты лукавишь. Быть может, ты даже не считаешь подобное поведение предосудительным? Быть может, тебя и саму одолевает желание попробовать это зелье?

В толпе снова слышатся крики, но на сей раз похоже, кто-то согласен со словами волшебника. В зале витает сомнение, уже поселившееся в умах многих. Я могу потерять их поддержку. Нельзя дать им увидеть, что я пасую перед обвинениями. Я поворачиваюсь так, чтобы смотреть незнакомцу, желающему лишить меня того, что принадлежит мне по праву, прямо в закрытое маской лицо.

– Я отвечу на твой вызов, – во всеуслышание объявляю я, и зал взрывается криками. Одни волшебники и волшебницы потрясают кулаками, глядя на того, кто сомневается во мне, другие качают головами, негромко бранясь. Начинаются споры, одни выступают за меня, другие против. Одна из волшебниц пытается наброситься на моего обвинителя, ее останавливают и силой выводят из зала. Я понимаю реакцию окружающих. Согласившись ответить на вызов, я дала магу в фиолетовом плаще право наблюдать за собой. Доказательство Состоятельности – вот что ждет меня. Оно будет заключаться в демонстрации всем присутствующим моей готовности принять обязанности главы клана.

Хранитель Чаши несколько раз ударяет посохом о каменный пол, и в конце концов все замолкает. Все, кто собрался здесь, знакомы с теорией отвода и традицией доказывать сомневающимся свою магическую состоятельность, однако подозреваю, что многие из присутствующих вряд ли когда-либо задумывались над тем, каково это – присутствовать при реальном конфликте, отвечать на брошенный вызов. Правила требуют, чтобы Хранитель Чаши изложил, что именно надлежит исполнить.

– Для претендента или претендентки есть только один способ продемонстрировать Доказательство Состоятельности, ибо наш закон гласит: «Тому или той, кому дали отвод, надлежит приказать, чтобы к нему или к ней явился демон».

В зале воцаряется напряженная тишина. Я слышала о призвании демонов, но никогда не видела, как это делается, не говоря уже о том, чтобы проделать нечто подобное самой.

Насколько мне известно из рассказов отца и сведений, полученных во время обучения, повеление явиться, обращенное к существу из Тьмы, опасно и чревато непредсказуемыми последствиями. Даже если волшебнику или волшебнице это удастся, вполне возможно, что он или она не сможет удержать демона под контролем, не говоря уже о том, чтобы заставить его вернуться туда, откуда он пришел.

Используя запас таившейся в моей душе силы, я заставляю себя улыбнуться и придать лицу выражение полного спокойствия. Я отвечу на вызов, выполню задание так хорошо, как только смогу, и раз и навсегда опровергну все сомнения в том, что я достойна звания главы нашего клана.

– Хранитель Чаши, – говорю я, – я отвечу на брошенный вызов. Я докажу свою состоятельность и заставлю одного из демонов явиться сюда из Тьмы.

Я чувствую, что в зале теперь витает новый запах, поначалу чуть заметный, он становится все сильнее и сильнее, и его не спутаешь ни с каким другим, ибо так пахнет страх. Слышатся торопливые шаги – это ведьмы пытаются покинуть зал. Еще одна женщина громко заявляет:

– Не давайте никому выходить из зала! Пока юная Лилит будет выполнять задание, двери должны быть закрыты. Что бы ни произошло, мы один клан, и мы поддерживаем нашу претендентку в ее стремлении занять место своего отца. Она всего лишь делает то, чего требует от нее наш закон. Мы не оставим ее, дабы ей не пришлось в одиночку расхлебывать последствия наших же законов, которые мы все поклялись соблюдать. Мы все будем участвовать в этом безумии и потому должны остаться здесь.

В толпе раздаются дружные крики одобрения, при этом те, кто сомневается в моей способности выполнить опасное задание, отодвигаются назад, а мои сторонники выходят вперед и смело становятся возле круга. Я приободряюсь, видя, сколь много волшебников и волшебниц готовы мне помочь. Или же они думают, что это им придется спасти нас всех от того ужасного существа, которое я вызову из Тьмы? Неужели они тоже уверены, что меня ждет неудача?

Я замечаю фигуру, стоящую в тени справа от дверей. Это мой отец! Я не знаю, видят ли его остальные, да это и не важно. Важно, что он пришел. Его дух здесь, рядом, и я черпаю у него силы.

– Насколько мне известно, согласно закону, мне будет позволено получить помощь со стороны, – говорю я.

– Верно, – подтверждает Хранитель Чаши. – Пусть тот или та, кто желает тебе помочь, выйдет вперед.

Несколько ужасных секунд мне кажется, что никто не предложит мне помощи, но тут я вижу, что через толпу пробирается Вайолет и встает на краю круга. Я улыбаюсь дорогой служанке, чувствуя безмерную благодарность за ее мужество и верность.

– Ты уверена, что хочешь это сделать? Ты же знаешь, что я не могу гарантировать твою безопасность.

– Да, миле... – Тут Вайолет вспоминает, где находится и кем является, и удерживается от своего привычного обращения ко мне как к своей госпоже. – Да, я уверена.

Теперь, когда мне предстоит приступить к произнесению заклинаний и совершению магических действий, я не имею права покидать пределы круга, пока выполнение задания не будет завершено, так что именно Вайолет придется приносить предметы, которые мне понадобятся для волшебства. Я роюсь в своей памяти, стараясь вспомнить то, что прочитала в ведовских книгах и узнала от отца.

Призвание демона: повеление существу из Тьмы явиться перед тобой, дабы использовать его против врага или для Доказательства Состоятельности. Но что мне для этого понадобится? Я уверена, что смогу вспомнить слова заклинания, но мне нельзя забыть ни об одном из тех предметов, которые будут при этом нужны. Если я что-то пропущу, может произойти катастрофа.

– Принеси мне Ведьмин Ларец, флакон порошка из костей и зажженную свечу.

Вайолет приносит то, что я прошу. Я чувствую, как нарастает возбуждение тех, кто за мною наблюдает. Как бы они ни боялись, для них это редкая возможность своими глазами увидеть магическое действие, которое большинство из них никогда прежде не видели и которое сами они никогда не отважатся совершить.

Ведьмин Ларец – это старинный деревянный короб с откидной крышкой размером с корзину для пикника. Я ставлю его на пол в той половинке круга, которая знаменует день. Откидывая крышку, я чувствую под пальцами прохладное полированное дерево. Из находящихся в ларце магических предметов я выбираю Серебряный Шнур Мэйгора, мягкий блестящий витой жгут толщиной с женскую косу, но намного более тяжелый. Он свернут в бухту и составляет в длину десять шагов. Мне было дважды позволено использовать его во время учебы, но никогда для Призывания Демонов. Я обвиваю шнур вокруг руки и закрываю ларец. Затем беру горящую свечу и перехожу в центр круга, где наклоняю ее так, чтобы расплавленный воск капал на пол. Затем начинаю медленно двигаться по часовой стрелке, создавая из капель воска круг диаметром в два шага, включающий в себя как область дня, так и область ночи, разделенные красным Рубиконом. Очерчивая этот внутренний круг, я произношу слова, которые мне подсказывает память, слыша при этом голос отца, как будто это он шепчет их мне на ухо.

– Во имя Лазаря я сотворяю сей круг, который станет вратами Тьмы. Я стою в священном месте нашего клана, защищенном от всякого зла. Никто не войдет в его пределы, пока я не призову. Никто не покинет его пределы, пока я не отошлю прочь.

Я ставлю на пол огарок свечи и беру флакон с порошком из костей, вынимаю из него пробку и, наклонившись, начинаю посыпать этим очерченный мною круг. Закончив это действие, я снова устремляю взгляд на Вайолет и выразительно киваю. Она знает, что от нее требуется, и тихим голосом нараспев читает защитное заклинание. Хотя до этого дня она никогда не участвовала в сотворении чар такой силы, каждая волшебница и каждый волшебник знает слова этого заклинания, и всем им известно, что чем чаще ты его повторяешь, когда вершишь в магию, тем вернее оно защищает тебя и тех, кто находится с тобой рядом, от сил Тьмы. На протяжении минуты, которая кажется мне вечностью, Вайолет читает слова заклинания в одиночку, затем к ее голосу сначала нерешительно и робко присоединяются голоса других волшебников и волшебниц, затем их становится все больше, пока весь зал не заполняется тихими звуками голосов, монотонно повторяющих одни и те же священные слова.

Я касаюсь жгута, обвитого вокруг моей руки.

– Серебряный Шнур Мэйгора, дар нашего почтенного пращура, пробудись и исполни мою просьбу, – говорю я и легко дую на сверкающие нити, из которых свит жгут. Несколько секунд – и он начинает излучать яркое сияние, двигаясь при этом, словно живой. Я чувствую заключенную в нем магическую силу, когда он обвивает мою руку ту же, точно змея. Медленно подняв обе руки, я собираюсь начать читать заклинание, призывающее демона, когда вдруг замечаю, что дух отца тревожно мотает головой.

Он пытается остановить меня. Может быть, он думает, что я не смогу справиться с демоном? Может быть, все дело в том, что он за меня боится? Нет, он верит в мои силы. Видимо, я просто кое о чем забыла, вот почему он подает мне знак! Он пытается сказать мне, что в очерченном мною круге чего-то недостает. Но чего? Серебряный Шнур, свечной воск, костяной порошок... Ах да! Книга Божественной Мудрости! Ну разумеется! Я должна иметь ее при себе.

Я протягиваю руку к Вайолет.

– Есть еще одна вещь, которая мне нужна. Принеси Книгу Божественной Мудрости.

Когда она приносит то, что я попросила, мне кажется, что я слышу в толпе волшебников и волшебниц вздохи облегчения. Они не вправе мне помочь. Хотя они и знали, что я делаю что-то неправильно, они не могли сказать это вслух. Если дело примет дурной оборот, они не смогут мне помочь. Я должна проделать все в одиночку. То есть если не считать помощи отца.

Я бросаю взгляд туда, где стоит он, и вижу, что папа снова спокоен и неподвижен.

Положив книгу у своих ног на краю воскового круга, я поднимаю обе руки.

– Как заповедали нам древние, как мои братья и сестры делали до меня, именем Лазаря я приказываю, чтобы явилось демоническое существо. Да услышит оно мое повеление и придет ко мне из Тьмы, перейдя кровавую реку между ночью и днем. Да ступит оно в этот круг. Призывая на помощь силу мудрости Соломона и магии Мэйгора, а также всю мощь клана, я приказываю тебе, демон, – явись! Явись!

Произнося слова все громче, я опускаю руки, и серебряный жгут соскальзывает вниз. Поймав его конец, я даю ему размотаться во всю длину и, размахнувшись, бью им по полу, так что он щелкает, как пастуший кнут.

– Демон, явись! – вновь зову я, щелкая жгутом снова и снова. Волшебники и волшебницы вокруг меня продолжают нараспев читать защитное заклинание, и их голоса становятся все громче. Я между тем все хожу и хожу внутри восковой окружности, не переставая призывать демона, стегая пол серебряным жгутом и не сводя глаз с центра круга. Наконец цвета двух его половинок, изображающих ночь и день, начинают дрожать, потом размываться. Они словно тают, сливаясь один с другим, пока не превращаются в серовато-коричневый миазм. И сквозь эти испарения проступает что-то темное, страшное, покрытое слизью. Из раскрывшейся бездны высовывается одна трехпалая когтистая рука, затем вторая. Голоса, читающие защитное заклинание, начинают звучать неуверенно. В воздухе чувствуется запах гари и какого-то едкого вещества, от которого першит в горле и щиплет глаза. Демон продолжает, корчась и извиваясь, вылезать из глубин Тьмы. При виде его безволосой луковичеобразной головы большая часть голосов, читающих заклинание, замолкает, и несколько ведьм в ужасе вскрикивает. Я с замиранием сердца смотрю на мерзкое существо, в муках вылезающее из Тьмы. У меня получилось! О духи, я вызвала демона, и он пришел!

После нескольких минут корчей, показавшихся мне вечностью, демоническая тварь наконец вылезает из бездны полностью и становится видна вся. Она сидит в очерченном мною круге, сжавшись в комок и сузив свои желтые глаза, и оглядывается по сторонам, растерянная и взбешенная. Размером она с большую собаку, но на ее теле нет ни единого волоска, вместо шерсти она покрыта каким-то липким на вид веществом, которое каплями стекает с него, опалая пол. Существо открывает дряблый рот и издает отвратительный вой. Голоса, читавшие защитное заклинание, смолкают совсем. Волшебники и волшебницы пятятся в страхе, и я понимаю, что на месте их держит только страх, если бы он их не сковал, они бы всей толпой бросились вон из зала. Я знаю, что теперь на мне лежит огромная ответственность – я должна во что бы то ни стало удерживать это чудовище под контролем и ни в коем случае не позволять ему выйти из воскового круга. Я продолжаю ходить вдоль периметра очерченной мною окружности, щелкая серебряным жгутом и взывая к демону.

– Я Утренняя Звезда, наследница звания Верховной Ведьмы Клана Лазаря, и ты будешь повиноваться мне, и только мне.

Демон отвечает низким рыком и переносит свой вес на согнутые задние лапы. Поначалу мне кажется, что он садится, покоряясь моей воле. Но затем, к своему ужасу, я понимаю, что он припал к земле, готовясь прыгнуть.

– Не двигайся с места, демон! – кричу я. Если он выйдет за пределы круга, я утрачу и тот слабый контроль над ним, который пока у меня есть.

Демон поворачивает голову, глядя то в одну сторону, то в другую. Вот он неуклюже делает шаг вперед, и его широкая ступня пересекает линию из капель воска, которая отделяет внутренний круг от внешнего. Он вздрагивает и быстро поднимает лапу; он скорее раздражен, чем напуган. Быстро перескочив через восковую границу в главный круг, он закидывает назад голову и, глядя на меня, оскаливает зубы. Если он почувствует, какой я сейчас испытываю страх, нам всем конец. Подавив инстинктивное желание бежать, я заставляю себя сделать шаг

к нему. Удивившись, а может быть, немного растерявшись, он опускает голову и слегка отодвигается прочь. Я делаю еще один шаг.

– Слушай меня, демон. Это я велела тебе явиться, и по моему приказу ты вернешься обратно во Тьму.

Чудовище снова издает рычание, однако не поднимает головы и отступает еще дальше. Оно отводит взгляд от меня и оглядывает зал, перенося свой вес то на одну заднюю лапу, то на другую. И тут до меня доходит, что он собирается сделать. Да хранят нас духи, он сейчас выпрыгнет из большого круга! Он хочет сбежать, хочет вырваться на волю!

Глупая девчонка! Неужели ты на самом деле думаешь, будто способна совладать с демоном?

«Нет! Только не здесь, только не сейчас! Оставь меня!»

Я не должна позволить этому духу отвлечь мое внимание. Не должна допустить, чтобы моя концентрация нарушилась хоть на миг. Я открываю рот, чтобы приказать демону отправиться обратно во Тьму, но уже слишком поздно.

Чудовище выскакивает из священного круга и одним махом допрыгивает до стены зала. Волшебники и волшебницы пронзительно кричат от ужаса и бросаются врассыпную. Я замахваюсь и посылаю в его сторону Серебряный Шнур. Но мой первый бросок не достигает своей цели. Демон придвигается все ближе к двум до смерти перепуганным ведьмам, которые жмутся к деревянным панелям стены. Я делаю еще одну попытку, и на сей раз конец жгута туго обвивается вокруг запястья мерзкого существа. Я собираю всю свою силу и обеими руками тяну жгут к себе. Демон разражается яростным воем, силясь высвободиться, но ее держит в своих тисках магия, которой уже сотни лет. Он может только изо всех сил тянуть жгут в свою сторону, налечь на него всем весом и заставить меня, потеряв равновесие, скользить по каменным плитам пола. Я не должна покидать пределы священного круга! Вне его у меня останется лишь ничтожная часть моей магической силы.

Я вновь слышу, как в мозгу звучит мерзкий смех преследующего меня духа.

Он побеждает, Дочь Ночи! Ты проиграешь!

«Нет! Нет! Не проиграю!»

Мне не за что зацепиться, и полотно моей сорочки рвется, пока мое тело волочится к границе круга. Я пытаюсь читать заклинания из Книги Божественной Мудрости, пытаюсь сконцентрировать свою волю, чтобы сделаться сильнее, но неудержимая сила влечет меня за пределы безопасного круга. Одна из волшебниц пытается открыть двери; видя это, несколько других волшебников вскрикивают, а двое из них преграждают ей путь.

– Нельзя позволить ему выйти за пределы зала! – кричит один из них.

Чувствуя, как кожу до крови обдирают шершавые камни пола, я замечаю, что волшебник, заявивший мне отвод, по-прежнему стоит у алтаря, явно ничуть не смущенный всем тем ужасом, который творится в зале по его велению. Он не пытается ни защититься от демона, ни помочь мне, как это делают некоторые другие волшебники и волшебницы. Но все их усилия тщетны. У них нет времени, чтобы творить заклинания, нет под рукой магических инструментов, они не находятся в круге, который мог бы их защитить. Единственное, что они могут сделать, – это с помощью запугивания и угроз заставить демона убраться восвояси. Один из волшебников даже наносит ему удар своей палкой, но дерево только разбивается в щепки. Демон хватается свободной рукой за Серебряный Шнур и сильно дергает его, таща меня к себе, как тащат на леске по берегу пойманную рыбу. Он слишком силен для меня!

Он играет с тобой. Ты будешь побеждена, дитя Лазаря!

Я игнорирую жестокий голос, звучащий в голове. Я знаю, что у меня осталось всего лишь несколько секунд до того, как ситуация окончательно выйдет из-под контроля. Всего лишь несколько секунд – и все, чему научил меня отец, все, ради чего я упорно работала, пойдет насмарку, и, возможно, придет конец даже самому существованию клана. Разве я могу это

допустить? Как я могла впустить в наш мир это гнусное существо, чтобы оно вырвалось на свободу и получило возможность творить ужасные вещи? Нет, я этого не допущу. Не допущу! Я закрываю глаза и позволяю рукам, держащим серебряный жгут, обмякнуть. Позади меня слышится плач, в толпе раздаются крики отчаяния.

– Она сдалась! Смотрите! Ей конец! – вопит какой-то волшебник.

Демон, похоже, тоже уверен, что его мучительница побеждена. На одно-единственное мгновение он отпускает жгут и приостанавливает свои усилия вытащить меня из священного круга. И я использую этот момент. Конечно, я могла бы призвать на помощь духов-хранителей, которые столько раз меня защищали, когда в поисках Фредди я оказывалась в опасных местах. Мои верные офицеры-роялисты наверняка смело вступили бы в бой, чтобы прикрыть меня. Но нет. Вызов был брошен именно мне. И я должна выполнить задание сама. Одним ловким движением я вскакиваю на ноги, и, открыв глаза, устремляю на демона пристальный взгляд.

– Я, дочь Сияющей Звезды, принадлежащая к Клану Лазаря, повелеваю тебе, демон, покинь этот мир, где тебе не место, и возвращайся во Тьму. – Сказав это, я резко поворачиваюсь и пускаюсь бежать во весь опор к курящейся расселине в центре круга. Испугавшись, что она поглотит меня, Хранитель Чаши кричит: «Берегись!» – но я не сворачиваю в сторону. Позади меня застигнутый врасплох демон валится на бок; его тело скользит обратно в сторону круга. Я подпрыгиваю, пытаюсь перескочить через яму, и при этом изо всех сил тяну за собой Серебряный Шнур. Мне уже кажется, что я могу победить, но демон еще не сдался. Скользя мимо Вайолет, он выбрасывает в сторону свою шишковатую руку и хватается за лодыжку. Вайолет истошно кричит, когда пальцы демона обжигают ее кожу. Из-за внезапного появления дополнительного веса на другом конце жгута мой прыжок через бездну прерывается на полпути, и я, рухнув вниз, приземляюсь так, что верхняя часть моего туловища и руки оказываются на дневной части круга, а ноги – в зловонной яме в полу. Я чувствую, как идущий оттуда жар опалает мои босые ступни. Я отчаянно пытаюсь выбраться, между тем Вайолет продолжает кричать. Хранитель Чаши схватил ее за руку: он использует весь свой немалый вес, чтобы не дать демону утащить ее за собой, но тот продолжает крепко держать беднягу за лодыжку. Силясь выкарабкаться из ямы, я замечаю, что волшебник, заявивший мне отвод и бросивший вызов, по-прежнему невозмутимо стоит, нисколько не тронутый нашим отчаянным положением, и даже не пытается помочь Вайолет. Гнев придает мне сил. Выбравшись наконец из дыры в полу, я дважды обматываю Серебряный Шнур вокруг своего запястья, затем хватаю флакон с костяным порошком и швыряю его в демона. Он уже успел встать, и, когда стекло разбивается о его грудь, облако мелкого порошка окутывает все его тело. Чудовище, корчась, вопит от боли и отпускает Вайолет. Встав на ноги, я что есть сил тяну на себя жгут, быстро таща демона по камням в сторону ямы в полу.

Но он еще не побежден. Он собирается с силами и снова бросается на Вайолет, на сей раз схватив ее за волосы. На миг его взгляд встречается с моим, и я вижу в его желтых глазах отражение своего искаженного ужасом лица. В толпе один или два волшебника пытаются пустить в ход чары, чтобы освободить мою бедную служанку, хотя и знают, что, вмешавшись, они идут против правил клана. Но их усилия, хотя и предпринятые из самых лучших побуждений, остаются тщетны. Вайолет жалобно кричит, пытаюсь высвободиться, но тут демон обвивает второй рукой ее шею и, таща за собой, шаркающей походкой направляется в сторону ямы.

– Нет! – кричу я. – Отпусти ее! – Я наклоняюсь назад, всем своим весом налегая на жгут, чтобы остановить продвижение демона к вратам Тьмы, но он продолжает упорно двигаться к ним. Вайолет душераздирающе вопит, и чудовище, которому, видимо, надоели ее крики, хладнокровно и безжалостно сворачивает ей шею. Я слышу невыносимо громкий хруст ломаемых позвонков.

– Вайолет!

На одно мгновение, когда ход времени словно замирает, демон останавливается, балансируя на краю бездны, и в этот миг все мое существо переполняется скорбью по моей погибшей подруге и яростью против этого гнусного существа. А потом он падает, унося тело Вайолет с собой. Жгут, обмотанный вокруг моего запястья, опять натягивается, таща меня за собой к яме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.